

Сергей Голубев

Времена Амирана
Книга 1: Начало

18+

Сергей Голубев

**Времена Амираана.
Книга 1: Начало**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Голубев С. В.

Времена Амирана. Книга 1: Начало / С. В. Голубев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Амиран – страна, во всех отношениях благополучная, а когда все благополучно, то и никакого колдовства не надо. Но и в самых тихих и приличных местах иногда случаются неприятности. Так же, как и в самых серьезных и прагматичных странах вдруг возьмет и заведется некий маг без диплома. Да еще и встрянет со своей магией в те самые неприятности. Естественно, с самыми благими намерениями. А вот это уже катаклизм, с последствиями которого и предстоит бороться героям этой книги.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	41

*Постучитесь в гробы и спросите у мертвецов,
не хотят ли они воскреснуть, и они
отрицательно покачают головами.*
(Артур Шопенгауэр)

Лиха беда начало
(Пословица)

Давным-давно, когда Земля была еще совсем юной, маленькой и плоской, и не успели еще устать три могучих слона, держащих ее на своих спинах, и не уплыла еще из-под их ног громадная морская черепаха, чтобы сгинуть безвозвратно в пучине бесконечного океана, жила себе страна под названием Амиран.

Страны – они как люди. А люди – они как птицы. А птицы – они как рыбы, летающие там, в глубине. В общем – все одинаково, вверху ли, внизу, или на той плоскости, что разделяет верх и низ, и на которой выпало жить нам с вами. Все одинаково, и утомительное разнообразие подробностей не делает нас чем-то исключительным. И что есть – было, и что было – будет, и страна под названием Амиран в чем-то очень напоминает то, в чем живешь ты здесь и сейчас.

Короче, была некогда такая страна, Амиран. А столицей там был город, называвшийся Мирандой, и правил в той стране государь по имени Бенедикт, а по отчеству Эдуардович. И жили в том государстве люди, называвшие себя миране. И были это люди как люди, славились рассудительностью, хладнокровием и склонностью к трезвому расчету. Были миране замечательными дельцами, отличными инженерами, великолепными финансистами и трезвыми политиками.

Это они – миране – подарили всем людям доброй воли такие изречения, как: «человек человеку – потенциальный клиент и покупатель» и «делу – время, потехе – все остальное».

Это миранские ученые сделали эпохальное открытие, что мир наш существует в пяти измерениях, которые суть: длина, ширина, высота, время и конвертируемая валюта. Но и до этого открытия Амиран развивался во всех этих направлениях.

И, надо сказать, делал это весьма успешно.

Вот такой была эта страна к началу описываемых дальше событий. А почему была? А вот об этом и речь.

Это ж только присказка. Сказка – впереди!

Глава 1

1

Царь Амираана Бенедикт Эдуардович, Великий Князь Заоколобуженский, Владыка Заозерья, Приозерья, Черного Болота и Пустых дворов, Великий герцог Холопинско-Урюпинский, хан Зангаданский и законный суверен прочих некогда добровольно присоединившихся стран и территорий, пожизненный Председатель Большого Государственного Совета, Президент Амиранской Академии наук и изящных художеств, Почетный Главнокомандующий сидел у себя в кабинете на втором этаже и в маленькое настольное зеркало разглядывал прыщик на своем августейшем носу.

Прыщик появился два дня назад. С чем было связано его появление Бенедикт не знал. Да и не это его волновало.

Вот уже вторую неделю не находил он себе спокойного угла во дворце.

Завтра должно было состояться бракосочетание его дочери Принципии. Царевна, или, как сейчас стало модно говорить – принцесса, Принципия бракосочеталась с Геркуланием Эрогенским.

Бенедикт Эдуардович плохо знал Эрогению, зато хорошо – самого жениха, этого долгового, черноволосого, патлатого Геркулания, достойного сына своего папочки – в молодости отчаянного повесы и бузотера.

Об этих эрогенцах спокон веку ходила дурная слава, поскольку жили они там, на своем острове в основном за счет морского разбоя. Женщины, правда, от них всегда были без ума.

Сейчас-то, конечно, пиратство как государственная политика отошло в прошлое, но...

Эдуардыч вздохнул, тряхнул маленьким золотым колокольчиком и крикнул:

– Варвара Горгоновна!..

Массивная дверь неслышно отворилась и в кабинет, тяжело переставляя ноги, вошла столь же массивная секретарша.

Царь взглянул на нее, приветливо улыбнулся и, как всегда, испытал острое сожаление, что некогда взял к себе на службу эту уродину. Когда-то, когда все они, в том числе и его жена, были молоды, это было оправдано, так как уберегало молодую и вечно беременную царицу от приступов ревности. Теперь же, особенно после того, как Лолиточка, бедная девочка, отошла в мир иной, это казалось ненужным самоистязанием. Но и Варвару было жалко, да и работала она хорошо – и за страх, и за совесть.

Пока Варвара ковыляла к монаршему столу, улыбка на лице Бенедикта успела испариться, сменившись гримасой раздражения и недовольства.

– Что это? – хмуро спросил он секретаршу, протягивая ей листок бумаги.

Варвара, не доходя до стола, боязливо протянула руку и кончиками сарделечных пальцев с наманикюрными ногтями взяла ее.

– Список записавшихся на прием, Ваше Величество, – робко проблеяла она, взглянув на содержимое злополучной бумаги.

– Я вижу, что список. На какое число?..

– На... На завтрашнее, Ваше Величество. – Голос Варвары упал до шепота. Слез в нем еще не было, но какая-то сырость уже чувствовалась.

– Вот то-то и оно, что на завтрашнее, – продолжал сурово, не обращая ни на что внимания, царь Бенедикт, – а завтра у нас что? Что у нас завтра?! Свадьба! Что же мне теперь, свадьбу отменить? Или, может, тебя сюда посадить, чтобы ты их сама принимала? Что молчишь?!..

– Виновата, Ваше Величество, – прошептала близкая к обмороку Варвара, чувствуя, как холодеет лоб и подгибаются и без того слабые колени.

– Кто там у нас? Дай-ка сюда! – Он нетерпеливо приподнялся и, протянув через весь стол свою сухую длинную руку, цепкими узловатыми пальцами вырвал список из застывшей в воздухе руки секретарши.

– Ни на кого нельзя положиться! – Ворчливо бурчал он, опуская зад в кресло и надевая очки. – Все самому приходится делать. Скоро дойдет до того, что сам бриться начну и белье гладить... Та-ак, кто же тут у нас? Вольдемар Гунгутский... Опять!.. Вот же!.. Говорил же я с ним уже. Шустрило Пасюк... Или Пасюк Шустрило? – Он взглянул на Варвару. Она молча пожала плечами. – Пасюк, министерство юстиции, небось, опять на министра жаловаться будет. Дальше... Абрахам Буцман, ювелир, – это не тот ли Абрам, у которого в прошлом году Лолиточка серьги покупала? Ну-ну... Так, Залидзе, коммерсант, господи!.. Ну ни одного порядочного человека! А это еще кто? Пафнутий Ф. Харитонидус, маг. Мага мне еще тут не хватало.

И я согласовал этот список? Наверное, пьян был. В общем, Варвара, сама с ними разбирайся, рассовывай по другим приемным дням, предупреждай, делай, что хочешь, и чтобы я больше!..

Он в страшном раздражении бросил список на пол. Варвара, скрипнув сочленениями, подняла его и начала тихо пятиться к двери, плохо видя перед собой сквозь грозящие покапаться по щекам слезы.

Не успела еще захлопнуться дверь и в воздухе еще висел аромат Варвариних духов, как за спиной Бенедикта, скрипнув, повернулся вокруг своей оси массивный резной книжный шкаф, и в образовавшийся проем проскользнуло странное существо.

Немногие во дворце знали о существовании этой потайной двери. Царь знал, начальник охраны, еще несколько человек... Придворный шут Куртифляс был в их числе.

Бенедикт повернул голову на скрип и теперь наблюдал, как, одетый в свой обычный, невообразимо пестрый костюм, с головой, увенчанной красным колпаком с четырьмя рожками, заканчивающимися бубенчиками, шут на четвереньках приближается к нему.

Должно быть, Куртифляс изображал какое-то животное: может быть собаку, может быть пантеру, но больше всего он был похож на обезьяну – бабуина, расхаживающего по своей клетке перед хохочущей публикой.

Улыбка взошла на суровое лицо монарха.

Куртифляс, нещадно виляя задом, приближался. В зубах он нес какой-то клочок бумаги. Добравшись до стола, он сел на корточки, по-прежнему держа бумажку зубами, и презабавно поднял руки до середины груди. Видимо, он все же изображал собаку, и сейчас эта собака «служила».

Бенедикт прыснул со смеху, прикрывшись ладонью, и ласково погладил шута по голове, как гладят собачку, удачно выполнившую команду. Затем он взял из зубов Куртифляса послание и прочел:

«Папочка, Ваше Величество, я с Марго поехала на последнюю, самую генеральную примерку. К обеду не жди и не теряй.

Целую. Принц.»

– Они уже уехали? – Спросил Бенедикт.

Куртифляс молча энергично закивал головой в знак согласия.

Бенедикт покинул кресло и теперь, разминая ноги, прохаживался по своему кабинету – от стола к входной двери и обратно. Шут продолжал сидеть на корточках, поворачиваясь вслед за хозяином. Хороший такой песик, умный и преданный.

Бенедикт подошел к нему и ласково потрепал по плечу.

– Ну ладно! Вставай, вставай. Полно дурака-то валять. Мы ж тут одни...

Шут не торопясь, как бы нехотя и очень грациозно поднялся во весь свой немалый рост, медленным шагом, заложив руки за спину, прошелся вдоль стоящей у стены шеренги стульев, внимательно, склонив голову набок, глядя на них и как бы выбирая. Ни один из них, видимо, ему не понравился. Он обескуражено повертел головой, оглядывая скудно обставленный кабинет, не имеющий достойного его зада кресла и, видимо сделав свой выбор из того, что предлагалось, так же неторопливо направился к столу и, удовлетворенно вздохнув, погрузился в царское кресло, небрежно закинув ногу за ногу.

Бенедикт, продолжавший мерить шагами пространство кабинета, усмехнулся.

– Что, нравится?

– Я бы на твоём месте поставил кресло помягче. Царю не пристало иметь мозоли на заднице.

– Да я пробовал, – вполне серьезно сказал Бенедикт, – не понравилось. После обеда в сон тянет. А дела-то не ждут... Ладно, – добавил он, останавливаясь перед Куртифлясом, – давай, что там у тебя?..

– Да так, чепуха всякая, – протянул Куртифляс, томно откинув голову и глядя в высокий потолок, украшенный лепниной, – вся-акая ерунда... Две горничные вчера вечером подрались. Сегодня, с синяками и царапинами, чтобы не позориться, отправлены на кухню. Кстати о кухне, Дормидонт по-прежнему приворовывает. Вчера опять три языка упер.

– Да бог с ними, с языками, – заметил государь, – Дормидонт – это повар! Перед ним сам Гельмондон так себе, поваришка. Такого повара сыскать еще надо, тем более сейчас, перед свадьбой. Ты мне скажи, как там Ратомир? С этой, как ее... не встречался?

– На конюшню бегал. Но Розки там сегодня не было. Ее папаша так ее обработал, что она не то, что сидеть, стоять не может.

– Ладно, поболит и пройдет. Если это запустить, дальше больней будет. Что там про Геркулания слышно?

– Этот целыми днями на охоте пропадает. Со своими. Можно подумать, что он сюда охотиться приехал, – обиженным тоном добавил шут, – у себя дичи мало!

– У себя уж он, поди, всю перебил.

Бенедикту надоело стоять и он присел на краешек стола, поближе к Куртифлясу.

– Ну, что еще? Говори, не тяни.

– Урлах вчера скандал устроил.

– Урлах? – Удивился царь.

– Урлах, Ваше Величество, Урлах. Сердечия его опять в опочивальню не пустила, так он с горя напился в бильярдной.

– Один, что ли?

– Ну, немножко я ему составил компанию, а так, в основном, один. В уединении... вот, а потом его на подвиги потянуло, на сексуальные, в розовый флигель, к фрейлинам. Одна, молоденькая, Люсинда, в окошко от него выскочила. Хорошо, что второй этаж, не высоко. Да внизу еще клумба мягкая. Так он, представьте, хотел за ней с балкона прыгать, да штанами за ограждение зацепился...

Бенедикт представил себе эту картину – вот это самое непотребство, о котором повествовал шут, и его разобрал смех. Он хохотал все громче и громче по мере того, как Куртифляс живописал, оснащая все новыми подробностями, эту невероятную сцену грехопадения всегда такого тихого, робкого Урлаха – короля Ледерландии и мужа четвертой дочери царя – Сердечии.

С намернувшимися от смеха слезами на глазах дослушал его величество историю злоключений несчастного зятя и, когда того, наконец, выловили из фонтана и мокрого, чуть не захлебнувшегося, отнесли спать в его комнату, он почувствовал себя отдохнувшим, посвежевшим и даже помолодевшим.

Случалось ли вам видеть карету? Я имею в виду настоящую карету с узорной затейливой резьбой и рельефными гербами на дверцах. Сверкающую, стремительную, с хрустальными фонарями и застекленными окнами, колеса которой обуты в ребристый каучук, а нутро обито натуральной кожей? Не бричку, не тарантас, не шарабан и не общественный омнибус, прости, Господи? Не видели? Ну, и правильно! Откуда бы, если ездить в настоящей карете – это привилегия монархов. А часто ли их встретишь сегодня? И, тем не менее...

Карета, запряженная четверкой лошадей, выехала из ворот дворца, сопровождаемая любопытными взглядами солдат дворцовой стражи, и, резко повернув направо, отчего Принципию бросило на сидевшую рядом мягкую Марго, покатила по мощеной мостовой вдоль ограды парка. Два конных гвардейца скакали рядом, представляя собой как почетный эскорт, так и охрану. Ну, так, на всякий случай.

Не прошло и получаса, как, быстро миновав неказистые предместья, экипаж въехал в город. Принципия отдернула занавеску и выглянула в окно.

Освещенная ласковым весенним солнцем Миранда прощалась с ней, выставя напоказ знакомые панорамы улиц и площадей. Прощай, Миранда! Огромный, прекрасный, таинственный мир, знакомый больше по рассказам фрейлин, пересудам прислуги, да таким вот, иногда случавшимся вылазкам из дворца. Бог знает, когда теперь снова попадет она в этот город, рядом с которым прошла вся ее жизнь.

Марго сидела неподвижно и важно, полная осознания ответственности за порученное ей дело. Даже восторженные восклицания молодой царевны, то и дело пытавшейся привлечь ее внимание к различным занятым пустякам, мелькавшим там, снаружи, не могли оторвать ее от глубокого переживания чувства собственной значимости. Царевна еще так молода и так легкомысленна, а окружающий мир тем и опасен, что кажется таким забавным, милым и безобидным. И недаром, конечно, именно ее, Марго, из всех прочих фрейлин выбрали и приставили беречь и охранять молодую царевну и невесту заморского принца.

Наконец, они приехали. У дверей двухэтажного особняка, отступившего несколько дальше вглубь квартала, чем окружавшие его дома, стояла хозяйка самого модного в нынешнем сезоне салона – мадам де Селявиль. Она помогла Принципии сойти на землю и повела их с Марго в примерочную.

Принципия здесь была уже раз пять. Теперь это был завершающий визит. Наряд, ее подвенечный наряд, был готов. Сейчас она его наденет и, если все будет, как должно быть, то это произведение портняжного искусства привезут во дворец, чтобы завтра она могла предстать перед алтарем во всем его сказочном великолепии.

Вы скажете – не царское это дело, самой мотаться черт-те куда на примерки. И будете, безусловно, правы. Но, в то же время, и вырваться хоть иногда из надоевших, пусть и роскошных, но привычных до оскомины, стен дворца, это так здорово. А, собственно, почему бы и нет? Вот и у Бенедикта не нашлось сколько-нибудь внятных возражений, когда Принципия потребовала отпустить ее в город. Пусть прокатится. Дать ей пару гвардейцев и опытную фрейлину в сопровождение, и все будет в порядке. Вот так и пошло. И никаких проблем. Ну, до сих пор, по крайней мере.

В примерочной – большой зале на первом этаже, уставленной зеркалами, золочеными резными креслицами, скамеечками, пуфиками и всякой прочей разнообразной мелочью, их уже ждали.

Старшая портниха и две служанки держали на руках нечто, напоминающее туман и водопад одновременно. Искрящийся водопад в тумане брызг.

– С вашего разрешения мадам фрейлина мы пройдем в малую примерочную. Там принцессе будет удобнее переодеваться. Я ей помогу. Люси, – обратилась де Селявиль теперь уже к портнихе, забирая у нее то, что та держала в руках, – я это возьму, а вы пока угостите мадам

кофе и предложите ей наши последние заграничные журналы, может быть мадам – теперь она уже улыбалась Марго, – выберет что-нибудь и для себя.

Хозяйка салона, Принципия и две служанки скрылись за дверью на лестницу, ведущую на второй этаж, где располагалась так называемая малая примерочная, предназначенная для совсем уж важных и дорогих клиентов. Марго проводила их внимательным взглядом. Портниха, пышная, белокурая женщина лет сорока, тронула ее за рукав и пригласила:

– Прошу, мадам...

Малая примерочная в заведении мадам де Селявиль являла собой нечто совершенно фантастическое. Три стены этой, небольшой, в общем-то, комнаты – три стены, за исключением той, в которой была дверь, через которую и вошли Принципия и хозяйка салона, являли собой сплошные, от пола до потолка, зеркала. Сделав несколько шагов вглубь, Принципия обнаружила себя стоящей в центре бесконечного пространства, где не было ничего, и только она сама в немыслимом количестве копий-отражений заполняла его, совершая синхронные движения, отчего все это напоминало какой-то, увиденный в бредовом сне, танец. Еще там стояла кушетка, куда служанки аккуратно сложили шелк и кружева, после чего с легким поклоном удалились.

– Давайте, я вам помогу раздеться, дорогая, – говорила между тем Селявиль, стоя позади Принципии и разглядывая ее отражение, – сейчас развяжем эти шнурочки...

Принцесса стояла сама перед собой, глядя на себя и ощущая сзади прикосновения пальцев знаменитой модельерши. Прикосновения были легкими и нервными, они странно волновали ее. Глаза мадам де Селявиль, отраженные в зеркале, незнакомо и тревожно блестели.

Платье начало падать к ногам Принципии, обнажая ее шею, плечи, руки.

– Сейчас, эти крючочки...

Голос хозяйки салона стал хрипловат и она как будто слегка запыхалась. Голой спиной Принципия ощутила прикосновение двух твердых бугорков. Она вздрогнула, будто это прикосновение обожгло ее. Пальцы Селявиль бегали по ее обнажавшемуся телу. Принцесса подняла глаза и встретила взгляд раздевавшей ее женщины. Взгляд метнулся в сторону, на бледных щеках хозяйки расцвели два алых пятна.

– Что с вами, мадам? – Прошептала Принципия, которой стало немного не по себе. Этот взгляд... Никто никогда не смотрел на нее так. Разве что... И Принципия почувствовала, как кровь приливает к ее щекам. Она боялась взглянуть на свое отражение, чтобы не увидеть, как краснеет.

– Что вы, что вы, душенька... – бормотала сзади мадам, – просто вы так хороши! Особенно вот так. – И она легким движением сняла с нее лифчик, – я даже не знаю, не испортит ли вас мое платье.

Принципия стыдливо прикрыла ладонями обнажившуюся грудь. Сердце ее стучало громко и часто. Этот стук отдавался у нее в висках, и она испугалась, что модельерша тоже услышит его.

Но обе они слышали другой звук.

Что-то негромко и музыкально шелкнуло и отражение впереди куда-то поплыло, как будто бы закружилась голова. Зеркало медленно поворачивалось.

Пальцы де Селявиль вдруг сделались твердыми и холодными, они теперь цепко держали принцессу за плечи.

С тихим – Ах! – Принципия увидела как из образовавшегося темного проема в комнату шагнул Геркуланий. В глазах ее потемнело и она почувствовала, что опрокидывается куда-то назад, что сейчас упадет, и что не в силах сделать ничего, чтобы предотвратить это падение, но в этот миг крепкие руки сомкнулись у нее за спиной и она, почувствовав опору, облегченно и благодарно перевела дух.

С деликатным стуком захлопнулась сзади дверь.

– Наконец-то мы одни. – Прошептал ей в ухо Геркуланий.

Прижимая ее к себе, он целовал ее лицо, медленно подбираясь к губам.

– Герк, что ты делаешь? Не надо, Герк... – шептала она отворачиваясь.

Ни разу еще не были они так близки. Между ним и ею сейчас была только тонкая черная рубашка, сквозь ткань которой Принципия чувствовала твердые бугры и выступы его тела.

– Я не могу без тебя, – обжигал ее горячий шепот Геркулания, – я хочу тебя! Еще день, целый день!.. Я не выдержу.

– Давай подождем, – шептала она в ответ, – ну давай! Ведь только до завтра, только до...

Но тут губы его, наконец, нашли ее рот, а правая рука ласково, но непреклонно, убрал слабую защиту, легла на грудь, целиком вобрав ее в себя.

Токи могучей силы исходили от Геркулания, растворяя в себе, парализуя ее волю и сознание.

– Неужели сейчас? – мелькнуло у нее в голове. – Вот прямо сейчас? Тут? Господи!..

А его рука тем временем, спустившись с холмика груди, опускалась все ниже и ниже, прижимая ее все плотнее к этому молодому, красивому, сильному мужчине, который, в конце концов, все равно завтра станет ее мужем и все это случится...

Она уже ощущала его всего, и даже то, что ее так пугало, о чем ей шепотом рассказывали молодые фрейлины. От этих рассказов осталось ощущение чего-то страшного, грубого – орудие пытки, пронзающее и рвущее плоть, и сквозь кровь и боль несущее почти преступное наслаждение.

Она почувствовала, как закружилась голова, он падала. Он ронял ее, медленно ронял и последнее, что она в силах была еще сделать, это шепнуть почти беззвучно:

– Герк... платье! Убери... платье...

Марго, фрейлина ее высочества, позвякивая ложечкой, размешивала сахар в вот уже третьей чашке кофе, которым потчевала ее гостеприимная Люси.

Они сидели в удобных мягких креслах возле круглого столика, на котором кроме чашек и вазочек в живописном беспорядке были разбросаны глянцевые, яркие журналы. Один такой журнал лежал раскрытый у Марго на коленях.

Люси оказалась великолепной собеседницей и с живым интересом слушала дворцовые байки и сплетни. Она горячо и искренне сочувствовала Марго, представавшей в этих рассказах жертвой клеветы и несправедливости. Негодовала вместе с нею. Смеялась, когда Марго говорила о чем-либо смешном и, между делом, вставляла на редкость умные и верные замечания, обнаруживая удивительное совпадение в мнениях с самой рассказчицей.

– Вы не представляете, Люси, – говорила с придыханием Марго, глядя в широко раскрытые, прозрачные глаза собеседницы, – двор, он только издали кажется веселым и праздничным: ах, какие милые дамы!.. ах, какие кавалеры! – на самом деле там сплошная грязь и интриги, интриги и интриги!

Она опустила глаза и тяжело вздохнула.

– Там любой готов перегрызть вам глотку. Вы думаете, там можно вот так, как мы с вами, с кем-нибудь поговорить? Ни боже мой! Тут же донесут и растрезвонят.

Откинувшись в изнеможении на спинку кресла, Марго сделала большой глоток, и кофе, булькнув, покатился по ее пищеводу. Она достала платок и, встряхнув его, промокнула себе кожу на лице по обе стороны крупного, воинственного носа. Затем подумала и высморкалась.

Почему-то сегодня примерка затягивалась. Видно, что-то было не так. Вечная история – в последний момент что-то приходится переделывать, или доделывать, или еще что-нибудь... Да бывает ли когда-нибудь, чтобы все шло гладко? Наверное, такого вообще не бывает.

Но, все-таки, что же там случилось?

– Что-то они долго сегодня, – ставя чашку на столик, произнесла Марго.

– Да? Разве? – откликнулась Люси. – Вы так интересно рассказывали, что я забыла про время. Ах, мадам, вы просто не представляете, как редко приходится общаться с людьми вроде вас – по-настоящему умными и интеллигентными.

– Ах, ну что вы!.. Однако же, пойти посмотреть?..

Марго, тяжело вздохнув, поднялась. Кресло нехотя выпустило ее из своих объятий. Она шагнула к двери, задев бедром и чуть не опрокинув столик, когда Люси, вдруг спохватившись, произнесла вполголоса:

– Да, кстати, чуть не забыла... Вот тут как раз то, что вы искали, по-моему. Мне кажется, это для вас...

Марго развернулась и, шагнув обратно, склонилась над Люси, сидевшей с журналом на коленях.

– Ах, действительно, какая прелесть. – Проворковала она. – Ну-ка, дайте, я посмотрю...

З

Зачем птицы сбиваются в стаи? Зачем рыбы ходят косяками? Зачем бизоны громадным стадом, видимым, говорят, даже из космоса, несутся по прерии? Ведь и небо, и океан так велики и свободны – лети, плыви куда угодно! Да и прерия обширна, и травы в ней сколько хочешь, зачем же ее вытаптывать миллионами копыт?

Вот и люди так же. Стоит им попасть в незнакомую, непривычную обстановку, тянутся друг к дружке, норовят скучковаться, сбиться если не в толпу, то хотя бы в компанию.

Ближе к вечеру в бильярдной собрались все. Ну, почти все...

– Разбивай. – Предложил Шварцебаппер Геркуланию, подавая ему кий.

Геркуланий молча смерил взглядом коренастую, плотную фигуру партнера, усмехнулся, подбросил в руке кий, как бы примериваясь к его тяжести, резко встал в стойку, широко расставив длинные ноги и, почти не целясь, резким ударом развалил пирамиду.

Он не любил эту игру. Ему смешно было смотреть, как игроки с важным, сосредоточенным видом ходят вокруг стола. Ему противно было долго и тщательно прицеливаться, мысленно выверяя углы отскока. Карты и шахматы он не любил, впрочем, тоже.

Шварцебаппер, воспользовавшись небрежностью противника, уже забил два шара подряд и теперь, виляя туда-сюда крепким задом, выцеливал третий. Шары заходили у него легко, со смачным звуком. После каждого удачного попадания он распрямлялся и, ухмыляясь, бил себя кулаком по раскрытой ладони другой руки. Таким образом он выражал свой восторг по поводу удачной игры.

После третьего шара четвертый в лузу не пошел.

– Не захотел. – Прокомментировал Шварцебаппер.

Он взглянул на Геркуланию.

– Ну же, юноша, покажите старому пердуну, как это делается.

Шварцебаппер был солдат в душе и король по профессии. Правил он Арбокором – странной воинственных рыцарей, мудрых философов и романтических поэтов.

Бенедикту Шварцебаппер приходился зятем, так как был женат на его старшей дочери – Софронее.

В углу на диване в тусклом свете торшера сидели Обр-аль-Саламат, отзывавшийся в тесном кругу и просто на Салама, султан из Ахинеи, муж пяти жен, последней из которых была Грипшина – вторая после Софронее по возрасту дочка царя Бенедикта, и муж еще одной из дочерей – Сусалины – Бунимад-ага-Ган.

Бунимад, тщательно подбирая слова и улыбаясь, чтобы не обидеть собеседника, доказывал Саламу преимущества ахалдакской породы ловчих соколов – наржепов для соколиной охоты.

Узкоглазый и широкоскулый Бунимад – наследник престола вольной степной Ахалдакии, был женат на Сусалине уже третий год. Брак этот, как, впрочем, и все остальные браки, вызван был соображениями политическими, отчасти военными, тем не менее отсутствие детей у этой августейшей пары настораживало Бенедикта, заставляя подозрительно коситься в сторону зятя.

– Дорогой Бунимад, – сказал Салам, которому наскучили технические тонкости и детали окраса оперения и формы клюва, – дорогой Бунимад, если бы ты только знал, как я с тобой согласен. Давай выпьем!

Не дожидаясь ответа, он протянул руку и щелкнул пальцами, унизанными перстнями. В ту же секунду к нему ловко и бесшумно подскочил Куртифляс в своем неизменном дурацком колпаке, до сих пор незаметно сидевший в темном углу, скорчившись и спрятав голову меж острых коленей. В руках у него была пузатая бутылка и два бокала.

– Я хоть и верный слуга пророка, – продолжал между тем Салам, – и чту его заповедь, запрещающую правоверным пить вино, все же хочу выпить с вами, уважаемый Бунимад, за ваши успехи, и не только в соколиной охоте, в которой вы, как известно, большой мастер.

– Господа, – обратился он к бильярдистам, – не присоединитесь ли к нам? Шварци, не порти юноше настроение накануне свадьбы. Геркуланий! Давайте выпьем на брудершафт, завтра мы с вами станем родственниками.

Монархи, уставшие от протокольных обязанностей, расслаблялись.

В тесной компании свояков недоставало двоих: Урлаха, который в настоящую минуту униженно стоя на коленях возле ложа супруги, умолял ее о прощении за вчерашнее помрачение духа, и еще одного – мужа Гармониллы, предпоследней дочери Бенедикта Эдуардовича. Этот человек был для всех загадкой. Никто из присутствующих не был с ним знаком лично. Говорили даже, что он вовсе не царских кровей, а сын не то фермера, не то плотника, хотя, может быть, тут скрывалась какая-то тайна. Всегда ведь хочется верить в лучшее.

И все-таки, это был король! Это был владыка новой фармации – император денег, князь векселей и закладных, султан акций и повелитель инвестиций. Жил он непонятно где, находясь каждый раз там, где это было необходимо, но необходимость эту он определял сам и был потому неуловим и непредсказуем.

Присутствовать на свадьбе свояченицы он, видимо, не считал необходимым, послав вместо себя пространное поздравительное письмо и, в качестве свадебного подарка, пакет акций, с которыми теперь непонятно что было делать.

В любом случае это был человек не их круга, и его отсутствие не очень опечалило дружескую компанию.

После выпитого атмосфера в бильярдной разрядилась. Царственные родственники повели себя раскованнее. Салам, например, – султан Ахинеяский – в томной позе развалился на диване, держа в руке полупустой бокал. Заложив руки за спину, на прямых ногах, обутых в грубые ботфорты, ходил вдоль стены Шварцебаппер. Рядом с султаном на незанятом его телом кусочке дивана пристроился Бунимад, шутивший в неизменной улыбке свои и без того узкие глаза. Геркуланий стоял возле бильярдного стола, задумчивый и отрешенный. Сегодняшнее приключение подействовало на него самым неожиданным образом. И не потому, что он открыл для себя что-то новое. Нет, девственником он давно уже не был. Неожиданным для него оказалось то, что он испытал после, и что продолжал чувствовать даже сейчас. Может быть это и есть то, что называют любовью?

Он не раскаивался в содеянном, ведь он не обманул девушку. Завтра она станет его женой. То, что произошло, по его мнению должно было превратить предстоящее бракосочетание из чисто юридической процедуры ратификации ранее достигнутой договоренности в романтический акт соединения двух тайных любовников.

Сперва – любовь, потом – брак, так считал Геркуланий. Хотя, быть может, он и ошибался.

Стояли, сидели, лежали, пили, курили сигары и трубки, трепались о чем-то совершенно пустяковом. Шварцебаппер, в свойственной ему грубоватой манере, подтрунивал над многоженцем-султаном. Салам, привыкший к этим подначкам, лениво отбрехивался. Шут изредка вставлял едкие и не лишённые остроумия реплики. Все знали о его близости к Бенедикту и воспринимали его почти как своего. Бунимад согласно качал головой и всем улыбался.

Резко отворилась дверь и в воздух бильярдной, в котором плавали облака табачного дыма, ворвалась струя чистого воздуха. Вместе с ней в комнату вошли царь Эдуардыч и за ним наследник его, Ратомир.

Бенедикт быстрым шагом преодолел пространство между дверью и буфетом, решительно схватил бутылку и, плеснув оттуда на дно бокала, единым духом осушил его, утерев усы рукавом и крякнув.

– Сейчас поскандалил с министром финансов, – поделился он с окружающими, – казна пуста... Казна пуста, представляете себе, господи! Куда уходят деньги?! Он советует мне ввести еще налоги. Он!.. – представляете? Советует мне!.. Еще налоги!.. Но, ведь, придется, однако, господи, а?.. Что посоветуете?

Он налил еще и теперь стоял, побалтывая в стакане золотистую густую жидкость, глядя на присутствующих коллег – высокий, худой, с лысым, загорелым черепом и длинными седыми усами на узком лице.

– А вы, Бенедикт Эдуардыч, введите у себя в Амиране многоженство. – Отозвался с дивана султан Ахинеяский. – И прогрессивный налог на жен. Очень прибыльное дело.

– А еще можно, – добавил, стрельнув глазами в сторону молчаливого Бунимада, Шварцебаппер, – ввести налог на бездетность. Женился – плати, пока первое дитя не родится. Заодно способствует повышению рождаемости. Рождаемость для государства – первое дело! Армии нужны солдаты, министерству финансов – налогоплательщики, царю – подданные.

– Да, – вздохнул Бенедикт, – страной управлять трудно. Ну ладно, что-нибудь придумаем.

Побыв в кругу родственников еще недолгое время, царь ушел, оставив гостям наследника.

– Я ухожу, – сказал Бенедикт перед тем, как дверь за ним закрылась, – столько дел, – он вздохнул и сокрушенно развел руками, – сами понимаете!..

Он положил руку на плечо двинувшегося было следом Ратомира и добавил, разворачивая сына лицом к гостям:

– Оставляю вам своего заместителя. Пусть привыкает к мужской компании.

Ратомир остался стоять, смущенно оглядываясь.

Ему недавно исполнилось шестнадцать лет. Это был хрупкий юноша, почти мальчик с легким пушком на пухловатой верхней губе. У него были коротко остриженные светлые волосы, слегка оттопыривающиеся уши и очки с толстыми линзами, оседлавшие чуть вздернутый носик.

Внимание присутствующих сосредоточилось на новом персонаже.

– Будем знакомы, меня зовут Бунимад, Бунимад-ага-Ган, сказал, подходя и протягивая руку наследник Ахалдакский, – мы с вами, как я понимаю, в некотором роде коллеги. Я тоже наследник, дай бог здоровья нашим отцам.

Ратомир пожал его твердую узкую ладонь и, в свою очередь, представился:

– Ратомир, – и добавил, чуть помешкав, – очень приятно...

– По-моему, мы с вами еще не встречались, где это вы пропадали? Почему вас не было на нашей с Сусалиной свадьбе?

– По-моему я как раз тогда болел, – сказал, подумав, Ратомир, – да, кажется, у меня как раз тогда была скарлатина, если не ошибаюсь.

– Сочувствую, – улыбаясь произнес Бунимад, – но, похоже, с тех пор вы поправились.

– Да, конечно... – не оценив тонкой иронии серьезно сказал принц. – Хотя после этого мне еще случалось болеть.

– О-о, надеюсь, ничего серьезного? – Это был уже подошедший и вставший рядом Салам.

Ратомир заворожено уставился на нового собеседника, чье лицо украшала роскошная, холеная черная борода, а голову венчал тюрбан с огромным изумрудом. В своем необычном наряде султан напоминал фокусника из цирка.

– Я счастлив познакомиться с юной надеждой Амираана, – продолжал между тем бороносец, весело и хищно посверкивая крупными белыми зубами. – Мое имя Обр-аль-Саламат-ибн-Бахут-ибн-Байтах, и я – ваш скромный раб и слуга, султан Ахинеи Азарейской, к вашим услугам.

– Шварцебаппер, – коротко представился Арбокорский властитель, – на бильярде не играете? Жаль, юноша. Ну, все равно, рад познакомиться. На сколько лет вы моложе Софроней? На пятнадцать? Я думал больше.

Прислонившись к бильярдному столу и скрестив руки на груди Геркуланий молча взирал на эту сцену, рассматривая брата Принципии и, к большому своему сожалению, не находя в нем привлекательных черт.

Ратомир, невысокий от природы, стоял, растерянно хлопая спрятанными под стекла глазами и втянув голову в плечи, отчего казался еще меньше и тщедушнее. В Эрогении в стародавние времена существовал обычай лишать жизни мальчиков, страдавших какими-нибудь уродствами, врожденными болезнями или просто не соответствующих принятому тогда стандарту. Обычай, сейчас, конечно, кажущийся жестоким и бесчеловечным, и давно уже отошедший в область преданий, сыгравший, тем не менее, великую роль в формировании нации такой, какая она сейчас есть. А сейчас этой нацией можно было гордиться.

Геркуланий еще раз взглянул на Ратомира: нет, в те времена это был бы кандидат на выбраковку. Странно, ведь отец у него вроде бы ничего. Но если не вести специальный отбор, то никогда не знаешь, чья кровь возобладает в жилах твоего наследника, через сколько поколений всплывет какая-нибудь наследственная беда. Вот и думай потом о проклятии рода. Смотреть надо внимательно, когда женишься, вот и все.

Может быть, – думал Геркуланий, глядя на наследника и брата своей невесты, на этого щуплого мальчика без тени мужских качеств, – может быть, он зря это делает, то есть собирается жениться на сестре этого заморыша и недоноска, какие дети у них будут? Какие внуки? Об этом же тоже надо думать!

Черт возьми! Но он слишком сильно любит ее. Ему стоило таких трудов сломать лед и убедить ее отца в выгоде для него этого брака. Нет, сейчас, конечно, отступить уже поздно. Да и не хочет он никуда отступать. А брат? Что брат?! Да, в конце концов, он же видит его в первый раз, по крайней мере в таком возрасте, когда уже можно о чем-то говорить! Да, может быть, это просто еще не распустившийся бутон, и под этой оболочкой скрывается могучей силы дух, обладание которым ценнее, чем обладание богатырским ростом и бицепсами.

Надо нам познакомиться поближе, решил Геркуланий. Нет, в самом деле, по идее он должен стать моим другом, он же брат женщины, которую я люблю, а она любит его. Значит, и я должен полюбить его. А он – меня. Я постараюсь.

– Геркуланий, – произнес он, забирая узкую кисть юноши в свою широкую и сильную ладонь.

Он был осторожен, стараясь не причинить боль. Он мог бы раздавить, расплющить эти нежные косточки, покрытые тонкой кожей с голубыми прожилками вен.

Внезапно в голову ему пришла одна мысль. Геркуланий вообще был человеком быстрых решений и неожиданных поступков. Впрочем, как правило, достаточно разумных.

– Ты меня, наверное, уже не помнишь, – сказал он Ратомиру, – последний раз мы виделись с тобой, когда мне было еще меньше лет, чем тебе сейчас. Тебя отпускали со мной на

прогулки и мы гуляли с тобой в окрестностях дворца, а как-то раз я учил тебя ловить рыбу удочкой.

– Кстати, – добавил он после небольшой паузы, – тебе, наверное, душно ват тут. Мы накурили, как черти. Не выйти ли нам на воздух?

Он одной рукой приобнял Ратомира за плечи и чуть подтолкнул к выходу. Ратомир взглянул в его лицо, на котором широкая, доброжелательная улыбка гармонировала с мягким, ласковым взглядом больших, блестящих карих глаз. Ратомир невольно улыбнулся в ответ и кивнул. Он помнил ту давнюю рыбалку.

– Мы вас покинем ненадолго, – обратился Геркуланий к оставшимся в бильярдной, – пройдемся немного, подышим. Вы нас не теряйте и не скучайте без нас.

– Постараемся. – Проворчал Шварцебаппер.

– Очень приятно было познакомиться. – Сказал Ратомир, увлекаемый к двери.

– Что за радость вечером по холоду бродить где-то? – Подал голос с дивана Салам. – Скоро ужин, не опоздайте.

Но последних слов Ратомир с Геркуланием уже не слышали.

Вечерний воздух был свеж, но не холоден. Ветер, дувший со стороны моря, чуть шевелил листву и приносил волнующие запахи и шальные мысли.

Они не торопясь, молча шли по дорожке, ведущей к дальним воротам. В отличие от непринужденно шагавшего Геркулания, Ратомир чувствовал себя не очень уверенно. Обычно в это время он уже лежал у себя в постели с какой-нибудь книжкой, увлеченно переживая приключения героев и в то же время наслаждаясь собственной безопасностью. Теплое одеяло и мягкий свет лампы – как хорошо, как приятно было, лежа в этой своей уютной норке, представлять полярные льды, морские пучины, воинственных пигмеев, страшных разбойников, хищников и прочие неперемные атрибуты этого большого и опасного мира, лежащего за ее пределами.

Внезапно чей-то силуэт вырос у них на дороге. Ратомир вздрогнул. Геркуланий взял его за руку и сказал вполголоса что-то на своем языке. Тень растворилась, они пошли дальше. Геркуланий не сказал ничего по этому поводу. Ратомир догадался, что это был кто-то из его людей.

Вскоре послышался цокот копыт. Два всадника догоняли их, скача по дорожке со стороны дворца. Ратомир остановился и, глядя на стремительно приближающиеся из темноты силуэты, непроизвольно прижался к своему спутнику.

В нескольких шагах от них кони остановились и всадники спешили.

– Я хочу предложить тебе прокатиться верхом. – Обратился Геркуланий к принцу. – Ты как, умеешь?

Ратомир, действительно, некоторое время бравший уроки верховой езды, кивнул головой.

– Ну, вот и прекрасно, – отозвался Геркуланий, – мужчина должен уметь многое, но самое главное из того, что он должен уметь, это – ездить верхом, драться и не бояться смерти.

Он одним движением забросил свое тело в седло и теперь свысока наблюдал за действиями Ратомира. Действия эти были, надо сказать, достаточно неуклюжи. Лошадь оказалась непривычно высокой. Стремя было какой-то не той формы и нога никак не попадала в него. Лошадь, гадина такая, никак не хотела стоять спокойно...

Наконец, Ратомиру удалось сесть в седло, больно при этом ударившись о его высокий подъем.

Геркуланий молчал, никак не комментируя происходящее, за что Ратомир был ему благодарен, хотя одновременно и злился за то, что он вынудил его демонстрировать свою неловкость.

Ворота распахнулись, как будто их ждали, и они оказались по ту сторону ограды.

Впервые Ратомир очутился в такой ситуации: ночью, вне стен и даже ограды дворца и, к тому же, один... ну, не считая, конечно, этого типа. Честно говоря, присутствие Геркулания отнюдь не придавало Ратомиру уверенности и чувства защищенности. Нет, все же он был один, один в этом огромном и наверняка враждебном внешнем мире.

В этом мире уже всюю хозяйничала ночь, и в широко распахнутом небе сияли равнодушные звезды. Время тьмы – время засад и предательств.

Деревья вокруг представляли живыми шевелящимися тенями, и было не ясно, то ли это они сами тянутся своими ветвями-щупальцами, то ли это ветер колышет их, внезапно похолодевший ветер, знобко пробирающийся за воротник и мурашками по спине, вдоль позвоночника отмечающий свой путь.

Три дороги лежало перед ними. Одна вела вдоль ограды парка и, двигаясь по ней, можно было где-то за час объехать парк с дворцом и дворцовыми службами, и снова вернуться к воротам. Это был самый подходящий путь для столь поздней прогулки.

Вторая дорога вела к морю. К бухте с пустынным пляжем, усеянным валунами и галькой. Там, далеко в море, сейчас в темноте, наверное, не видные, торчали из воды три высоких скалы – Три Брата называли их местные рыбаки, чей поселок из нескольких десятков покосившихся хижин, раскинулся на побережье. Ратомир там бывал. Разумеется, днем и в хорошую погоду. Ему нравилось смотреть на прибой, на колышущиеся под ветром сохнувшие сети, на чаек. Там можно было сесть на какую-нибудь перевернутую лодку и смотреть, смотреть...

Если хотелось острых ощущений на сон грядущий, вполне можно было отправиться по этой дороге.

Третья вела в город. Ночью в городе было опасно, это Ратомир знал хорошо. Ночью в городе приличные люди ложились спать, укрывшись за стенами своих домов. Теплое одеяло, уютный, неяркий свет, хорошая книжка...

Ночью в городе хозяйничали другие, те, с которыми лучше было не встречаться. Они сидели в кабаках, пили пиво, ром, орали какие-то грубые песни и дрались – жестоко, до крови, до смерти.

По этой дороге ехать было нельзя.

Подъехав к перекрестку, Геркуланий резко повернул направо и пришпорил лошадь. Ратомир повернул следом. А куда ему было деваться?

Они ехали по третьей дороге.

Они ехали в город.

4

Гости собирались к ужину. Они надевали смокинги и, вертясь перед зеркалами, примеряли драгоценности.

В тихой панике дворцовая челядь, стараясь не шуметь, обшаривала закоулки дворца в тщетных поисках наследника и жениха. Ратомир с Геркуланием исчезли. Последний раз их видели выходящими на Кленовую аллею парка. Потом их следы терялись во мраке. Свита Геркулания пожимала плечами и упорно отказывалась понимать хоть слово по мирански.

– Чучмеки! – Злобно проговорил Бенедикт, меря шагами кабинет. – Нет, ну не свинство ли, а?!

Перед ним навтыяжку стоял командир дворцовой стражи. Он стоял замерев, почти не дыша. Глаза на побагровевшей физиономии были широко открыты и мертво неподвижны. Главный стражник был уже стар и повидал на своем веку достаточно всякого страшного – по настоящему страшного, чтобы бояться обыкновенной выволочки, пусть даже и августейшей. На эту должность он был назначен недавно, был до этого обыкновенным генералом от инфантерии и сейчас откровенно скучал и с тоской вспоминал родной полк и боевую молодость. Черт

его дернул соблазниться этой синекурой! Выслушивай вот теперь непонятно за что... Паркетом соблазнился, дурак! Вот и стой теперь на этом паркете, как корова на льду.

Дверь в кабинет отворилась и на пороге возникла фигура солдата дворцовой стражи. Замерев на мгновение, он пошатнулся как от толчка и сделал шаг вперед, освобождая дверной проем, через который в кабинет проник шедший следом Куртифляс. – Вот! – Воскликнул шут, тыча пальцем в широкую грудь стража. – Полюбуйтесь!

Полюбоваться и правда, было на что. Вид у гвардейца был дик и, похоже, он был пьян до полного обалдения, хотя сейчас и пытался прийти в себя и держаться хотя бы прямо.

Оба – и царь, и генерал повернулись и уставились в упор на солдата, мучительно борющегося с икотой и земным притяжением. Борьба на два фронта, как это обычно и бывает, закончилась поражением. Раненый боец утробно и звучно икнул, распространяя в воздухе запах перегара, и опасно покачнулся. Куртифляс среагировал быстрее всех. Он схватил стул и подставил его под солдата, после чего легонько, двумя пальцами толкнул его в грудь. Солдат грузно плюхнулся на стул, сделал слабую попытку встать, но при этом горизонт так заплясал у него перед глазами, что он только безнадежно махнул рукой и остался сидеть, покачиваясь и скрипя стулом.

– Так, и что все это значит? – В голосе Бенедикта явственно слышался с трудом сдерживаемый гнев.

– Это часовой у юго-западных ворот. – Пояснил шут. – Его напоили и, по-видимому, именно он пропустил тех, кого мы ищем. Во всяком случае, люди видели издали двух всадников, двигавшихся в этом направлении.

– Ты их выпустил?! – Взревел государь, обращаясь к нерадивому стражу юго-западных ворот.

– К-кого? – Удивился страж. – Н-никак нет!..

Он опять сделал попытку подняться. Могучее чувство долга боролось в нем с немощью страдающей плоти. Слабость и на сей раз одолела силу. Солдат снова мучительно икнул и глаза его закатились.

Будучи опытным военачальником, начальник стражи сделал правильный прогноз дальнейших событий. Он схватил подчиненного за шиворот и рывком поднял со стула, придав его грузному телу направление движения в сторону открытого дверного проема. Через мгновение из полутемной приемной раздался звук падения, сменившийся звуками неудержимой рвоты.

– Искать! – Скомандовал Бенедикт. – Всех на ноги. По коням и в город. Немедленно!

Кабак назывался «Бойцовый петух» и, судя по многочисленным шрамам, действительно повидал на своем веку немало сражений.

Геркуланий с Ратомиром попали туда, спустившись по каменным ступеням и миновав каких-то нетрезвых личностей, оживленно беседовавших у входа. При этом один держал другого за горло, пытаясь головой собеседника пробить каменную стену. Его оппонент, хрипло дыша, изо всех сил пытался освободиться.

Не обращая на них внимания, Геркуланий толкнул плечом дверь, и они вошли внутрь.

Со страхом и любопытством Ратомир оглядывался вокруг. Они сидели за сколоченным из толстых досок столом, поверхность которого, впитав за свою долгую жизнь немало всевозможных напитков, стала темной и матово блестящей. Стол их стоял почти в центре – не самое лучшее место, но все прочие столы были к их приходу уже заняты. Ничем не защищенной спиной Ратомир остро ощущал неприязненные взгляды и сидел, инстинктивно сгорбившись, стараясь казаться поменьше и не привлекать ничьего внимания.

Хорошо, хоть одеты они были с Геркуланием не броско, по-домашнему. Не хватало еще появиться тут, среди этой публики в расшитых камзолах. Но и то, что на них было одето,

видимо слишком контрастировало с окружением, категорически не вписывалось в него и внимание таки привлекало. И Ратомиру это не нравилось.

На столе стояла бутылка с яркой этикеткой, изображавшей подгулявшего пирата с попугаем на плече, два стакана и блюдечко с черными, горько-солеными оливками.

– Ты можешь не пить, если не хочешь, – сказал, разливая ром по стаканам, Геркуланий, – но, если ты выпьешь со мной хотя бы этот стаканчик, мне будет приятно. Да и беды большой не будет, уверяю тебя, – добавил он, – здоровый мужчина твоего возраста вполне может позволить себе стаканчик-другой в хорошей компании безо всякого ущерба для здоровья.

Они подняли стаканы и чокнулись.

– За нас с тобой! – Темные, орехового цвета глаза Геркулания чуть прищурились. Ратомир старался выдержать его взгляд, чувствуя, как от напряжения на глаза наворачиваются слезы. Хорошо хоть, что под очками это не будет заметно. – За нашу дружбу! – Продолжал Геркуланий. – Мы с тобой молоды. Нам принадлежит будущее. Наше с тобой и наших народов. Так будем друзьями, и пусть всем от этого будет только хорошо!

Он поднял стакан и залпом осушил его. Ратомир решил последовать его примеру.

Первый глоток обжег его гортань. Второй – вызвал спазм, чуть не заставивший его позорно поперхнуться. Он перевел дух, зажмурился и сделал третий. Больше он не мог. То, что он совершил, и так втрое превосходило его возможности. Он поставил на стол наполовину опорожненный стакан и, сняв очки, платочком вытер выступивший на лбу пот и промокнул глаза.

– Закусывай. – Предложил Геркуланий, и сам ловко кинул в рот оливку.

Он поставил локти на стол, сцепил ладони и положил на них подбородок. Голова его теперь была совсем близко от головы Ратомира. Поза свидетельствовала о готовности к открытому разговору.

– Ты знаешь, – сказал Геркуланий негромко и задумчиво. Глаза его уже не сверлили собеседника, а спокойно и немного грустно смотрели куда-то в пространство, – я хотел поговорить с тобой о твоей сестре, о Принципии. Я хочу, чтобы ты знал, что я по-настоящему люблю ее. Ты же понимаешь, какая это редкость в нашем кругу. У нас, у королей, ведь женятся ради чего? Чтобы скрепить союз, или добиться каких-нибудь привилегий, или насолить соседу... ну, ты знаешь. Твои сестры все вышли замуж за людей, которых не знали и не любили. Теперь их мужья считаются союзниками твоего отца. Хотя, по правде говоря, это и не совсем так. Подвернись любому из них возможность, и он наплюет на родственные связи. Это – ненадежные союзники, и это – плохая политика.

Он вздохнул, взял в руку бутылку и долго рассматривал этикетку, будто ища там ответы на мучившие его вопросы. Потом снова наполнил стаканы.

– Давай выпьем за любовь. Банальный, конечно, тост, но... К нам недавно заезжал какой-то бродячий менестрель, из довольно известных, кстати... Так после его выступлений все наши пропойцы стали голосить «выпьем за любовь!.. выпьем за любовь, родная!», – неожиданно тонким голосом пропел Геркуланий, видимо спародировав неизвестного Ратомиру певца.

Это было неожиданно и смешно. Ратомир невольно улыбнулся, а Геркуланий продолжал:

– За любовь, тем не менее, за настоящую любовь и настоящую дружбу!

После первых, с таким трудом сделанных глотков, Ратомир почувствовал, как где-то в глубине живота зажглась яркая и горячая лампа. Тепло от нее, как дым в печи по трубе, поднималось по пищеводу. Свет проникал в голову, сгущая сумрак вокруг. Жаркая волна прилила к щекам, и в висках что-то пульсировало в такт биению сердца.

Скованность, мучившая его, постепенно проходила. Он поднял глаза на Геркулания, могуче возвышающегося напротив, и ощутил исходящие от него тепло и силу. Он чувствовал, как эти потоки волнами проникают ему под кожу, согревая холодный булыжник, засевший у него в груди еще с тех пор, как они выехали за ограду дворца.

Он улыбнулся и поднял стакан.

– Я полюбил Принципию еще мальчишкой, – продолжал Геркуланий, – еще когда был жив мой отец. Я тогда учился у вас тут, в Миранде, и часто бывал во дворце. Ты-то меня вряд ли хорошо помнишь. Помню, мы с ней как-то стояли у окна...

Он задумался. Потом тряхнул головой.

– Ладно! Потом мы с ней встречались в других местах. В Арбакоре, Ледерландии у этого несчастного Урлаха... Она призналась, что тоже любит меня. Твой отец не хотел отдавать ее мне. У него, наверное, были другие планы. Что для него моя Эрогения? Так, мелочь, пустяк... Я думаю, на него повлияла смерть жены, вашей матушки. Он как-то стал мягче после этого. По-моему, он любил ее. Не знаю... не мне судить. Но мне так показалось. Может, он вспомнил об этом...

В этот момент их разговор прервали.

С громким визгливым смехом к ним за столик подвели две девицы. Лица их Ратомир не разглядел и единственное, что успел заметить, это пышные волосы, пышные, шуршащие юбки и голые до плеч руки, сразу замелькавшие над столом. От них пахло какими-то незнакомыми духами, напоминавшими запах леденцов.

– Мужчины скучают! – заявила одна из них.

Другая подхватила:

– Мальчики, угостите шампанским.

– Послушайте, девушки, – спокойно произнес Геркуланий, не повышая голоса, – вы же видите, мы разговариваем. Нам сейчас не нужна компания. Давайте в другой раз.

Девицы фыркнули и поднялись, источая конфетный аромат.

– Педика какие-то! – Зло сказала одна. – Пойдем, Мадлен, не будем портить интим.

Они отошли и, как успел краем глаза заметить Ратомир, присоединились к компании мужчин, занимавших столик неподалеку. Оттуда послышались их возбужденные голоса. В кабаке сразу стало шумно.

Геркуланий нахмурился и огляделся по сторонам.

– Не дадут нам тут поговорить, – сказал он, разливая ром по стаканам, – ну, ладно, давай допьем, да и пойдем отсюда. Как бы нас во дворце не хватились.

Но допить им тоже не дали.

От компании, приютившей девиц, отделились три высокие, плотные фигуры и направились к ним. В животе Ратомира сделалось холодно и противно заурчало.

– Что же вы, козлы, девушек обижаете? – Спросил один из подошедших.

Он поставил сжатые в кулаки кисти рук костяшками на стол и стоял теперь, склонившись над ними, по очереди глядя то на одного, то на другого. Остальные двое стояли рядом, за спиной Геркулания, верно опознав в нем основную боевую единицу.

– Ну что вы, ребята! – Отозвался Геркуланий. – Мы и не думали никого обижать. Просто у нас тут серьезный разговор. Вот мы и попросили их не мешать нам.

Голос у него был удивительно спокоен и даже весел. Ратомир позавидовал такому самообладанию. Сам он чувствовал, как деревенеют суставы рук и тяжелеют ноги. Тяжесть эта стекала откуда-то снизу спины, покрывшейся вдоль позвоночника противными мурашками.

– Вы откуда тут, вообще, взялись? Что-то я вас раньше не видал. Кто такие? – Продолжал допрос тип, по-прежнему нависая над ними, как скала на дорогой. Опасная скала, готовая вот-вот рухнуть.

– Да этого я, кажется, знаю, – проговорил, указывая пальцем в затылок Геркулания, один из маячивших за его спиной, – сдастся мне, что это он на прошлой неделе у Румпеля кошелек спер. Помнишь?.. – Обратился он к своему напарнику, стоявшему рядом.

Тот утвердительно промычал что-то нечленораздельное.

– Так вот, что! – Протянул первый. – Так ты теперь, сука, на Румпелевы денежки гуляешь? А ты знаешь, говнюк, что у него дочка в больнице, что он эти денежки на операцию приготовил, мясникам заплатить?

Голос его, по мере того, как он произносил эту тираду, становился все громче и резче. В «Петухе» наступила неприятная, вязкая тишина. Звякнуло что-то, видимо у кого-то из разжавшихся пальцев выпал нож или вилка. И тут, нарушая эту тревожную, предгрозовую тишину, послышались шаркающие звуки. К ним, вытирая руки о грязный фартук, шел сам хозяин заведения, покинувший для этого свое капитанское место за барной стойкой.

Хозяин – если, конечно, это был хозяин, а не просто бармен, был лыс, толст и приземист. Мощные плечи завершались головой без ненужного посредничества шеи. Голову украшало кроме загорелой лысины не менее загорелое лицо со шрамом на левой щеке и серьгой в левом же ухе. Расстегнутая на груди рубаша обнажала объемистую волосатую грудь.

– Тихо, Бычара, – голос у хозяина был низок и густ. В нем не было металла, в нем чувствовался бетон и сырая могильная земля. – Ты опять за свое? Тебе что, вчерашнего мало?

– Ты чего? Не видишь, кто это? – Вскинулся в полный рост обличитель порока. – Это же ворье, скоты и к тому же педики вонючие!

На его лицо упал блик света и Ратомир заметил под его правым глазом огромный багровый синяк. Вчера, видно, тут тоже было весело.

– А мне плевать, – отозвался хозяин, – я их не знаю. Ты их тоже не знаешь. И чтоб у меня никаких драк тут. Понял? Я разорюсь, если буду каждый раз полиции платить. Или меня закроют. А я тут уже пятнадцать лет. Ясно?!

И, помолчав, добавил:

– Ну, все, пошли вон отсюда!

Нападавшие отошли к своей компании, откуда сразу же донесся взрыв голосов. Что говорят, понять было невозможно. Но злобное возбуждение и угроза чувствовались и без слов. Они с грохотом отодвинули скамейки и гуськом двинулись к выходу. Проходя мимо столика, за которым сидели Геркуланий с Ратомиром, каждый поворачивал голову и молча, запоминающе глядел на них. В их взглядах видна была угроза и решимость пропустить этих вонючих педиков через мясорубку, смешать с дерьмом, перегрызть глотки, и вообще не оставить от них на земле ничего, даже воспоминаний.

Хозяин, стоя на том же месте, скрестив на груди руки, молча наблюдал за этим исходом. Наконец, дверь за последним закрылась.

– Ну, ладно... – сказал хозяин.

Геркуланий молча положил на стол несколько монет и подвинул их ладонью в сторону хозяина. Тот спокойно протянул руку, взял деньги и сунул их себе куда-то под фартук.

– Пошли, – сказал он, – я выведу вас через кухню.

– Спасибо, – откликнулся Геркуланий, – но мы выйдем здесь. Тут у нас лошади.

– Какие лошади? – Угрюмо отозвался толстяк. – Какие могут быть лошади? О себе надо думать.

– Ничего, как-нибудь... Подумаешь, страсти какие. Просто банда хулиганов. Нет, мы выйдем тут!

Ратомир молчал. Да, впрочем, никто его и не спрашивал. Он-то, как раз, охотно воспользовался бы предложением хозяина. Решение Геркулания казалось ему самоубийством.

Но он молчал.

5

Дворец был построен давно и не сразу. Он строился, перестраивался, горел, разрушался и подвергался многочисленным реконструкциям. Каждый новый хозяин считал своим долгом привнести в родное гнездо что-то свое – ведь все мы по натуре зодчие, и поэтому, в конце-

концов, дворец, незамысловатый снаружи, внутри превратился в настоящий лабиринт коридоров, анфилад, чуланов, тупиков, залов и потайных ходов.

Царский шут Куртифляс знал этот лабиринт лучше, чем свою собственную квартиру, в которой почти не жил, проводя время жизни в запутанных дворцовых недрах. Сейчас он тихо крадся по темному коридору, бесшумно ступая в своих войлочных туфлях.

Впереди, шагах в пяти от него, что-то белело и всхлипывало. Там шла заблудившаяся молоденькая горничная. Хорошенькая, глупая, напуганная горничная – подходящая добыча и неплохая забава на ближайшие полчаса. Сейчас она упрется в тупик и вынуждена будет повернуть обратно. В этом темном, безлюдном тупичке им будет хорошо...

У Куртифляса свело челюсти от возбуждения, но двигался он легко и грациозно. Сейчас, сейчас она повернется и сама шагнет ему на встречу.

Он знал, что будет дальше, знал до последних мелочей: уж он-то перепробовал этих молоденьких дурочек!.. Пользоваться ими – это была его привилегия. И это было справедливо. Должен же он получать что-то за свой труд. Что же ему, даром дурака валять, всех смешить и за всеми шпионить? Нет, уж эти-то кусочки с царского стола он заслужил. Этих маленьких радостей у него никто не отнимет...

– Ах!.. – вскрикнула горничная, наткнувшись на Куртифляса и почувствовав его руки у себя на талии и на груди.

– Тихо-тихо-тихо... – зашептал шут, зажимая ей губы поцелуем.

Губы ее, испуганно и упрямо сжатые поначалу, постепенно оттаивали и становились мягче. Кончиком языка он облизывал их и раздвигал, проникая внутрь и касаясь кончика ее языка.

Тело девушки потяжелело, видно ослабевшие ноги плохо держали его и Куртифляс прислонил свою жертву к стенке. Соппротивление ее – это он хорошо чувствовал по мягкой податливости губ и живота – было сломлено, но руки ее еще висели в воздухе, растопыренные и напоминающие ветки дерева. Она еще не решалась обнять его. Ничего, это придет своим чередом. Никуда не денется. А пока он ловкими пальцами расстегивал на спине платье, добираясь до теплой, бархатистой кожи.

Ничего, милая, ничего! Хочешь тут жить, будь как все. Да она, наверное, и сама все хорошо поняла – просветили уже! – и не очень брыкалась. Хорошая девушка! Как ее зовут-то? Ладно, потом разберемся.

Шут аж застонал от нетерпения – господи, сколько тут всего наворочено! Но рвать нельзя. Надо, черт побери, аккуратно, чтобы потом все было в порядке. Никаких следов – это его правило. А уж что жаловаться эта киска никуда не пойдет – это он знал точно.

Никто и никогда на него не жаловался. Да и на что тут жаловаться? Обоюдное удовлетворение, и все. У кого как, а у него, у Куртифляса, эти цыпочки получают удовольствие! Это уж будьте уверены.

Внезапно голова девушки дернулась и тело напряглось. Куртифляс прервал поцелуй и поднял голову, прислушиваясь. Так и есть, чьи-то шаги!

Он сильнее прижал добычу к стене, загоразивая ее своим телом, и ладонью закрыл ей рот. Теперь шаги были уже близко. Можно было различить, что идут два человека – похоже, мужчина и женщина.

Куртифляс медленно повернул голову. Кто это? Что им тут делать? Скорее всего, какой-нибудь лакей, воспользовавшись суматохой, тащит сюда свою возлюбленную откуда-нибудь с кухни. Скот! Места ему мало! Шел бы в парк, на воздух, в кусты, как все порядочные люди!

Шаги смолкли, когда до них с горничной оставалось метров пятнадцать, не больше. Уже слышно было дыхание и женский голос, тихо произнесший:

– Сейчас, милый, сейчас, – и, чуть погодя, – как ты нетерпелив. Я не могу найти ключ. Посвети.

– Минутку...

Раздались характерные звуки, возникающие при высекании искры. Наконец, затеплившийся огонек озарил две склонившиеся головы. Затем раздался звук, какой обычно издает давно заржавевший замок, и тихо скрипнула дверь.

Комнаты, располагавшиеся вдоль этого коридора, предназначены были для гостей. Это были гостевые спальни, но уже старые и сейчас находившиеся в резерве. Тем не менее, комнаты эти были полностью оборудованы, обставлены, и уж конечно никакой лакей не рискнул бы воспользоваться ими. Да и ключи от них хранились у командира дворцовой стражи, да у Горгоновны еще дубликаты вроде бы были. Она, наверное, уж и сама про это забыла, но Куртифляс помнил. Он все помнил!

Он помнил, например, что позади этих комнат идет еще один коридорчик. Не коридорчик даже, а так – крысиная щель. Только чтобы боком протиснуться. А из этого коридорчика в каждый номер проделаны окошечки потайные. Окошечки сделаны так, что их почти невозможно увидеть, а вот в них видно как раз самое главное – постель.

Он отлепился от девушки, потеряв к ней всякий интерес. Пусть пока... Еще встретимся.

Коридорчик этот, опять-таки, был секретный, и как попасть туда знал далеко не каждый обитатель этих стен. Но Куртифляс знал и это. Теперь ему надо было поторопиться, и все так же бесшумно он скользнул прочь, оставляя несчастную горничную в темноте и полном недоумении.

В свои двадцать пять Сердечия выглядела куда более неотразимо и соблазнительно, чем восемь лет назад, когда ее выдали замуж за этого дурака и импотента Урлаха. Взшедшее на обильных хлебах зеленой аграрной Ледерландии тело могло свести с ума любого знатока и ценителя пышных форм. Свежий цвет лица, тяжелые золотистые волосы, голубые, слегка на выкате, глаза и пухлые, чувственные губы, которые так сладко, так нежно растворяются и тают на губах партнера, делали из нее настоящую, первосортную красавицу.

И надо же было такому случиться, чтобы все это пышное, зрелое великолепие досталось человеку, менее всего способному по достоинству оценить его.

Сердечия и сейчас еще хорошо помнила, как горела и сладко мучилась бессонными ночами накануне свадьбы, какие фантазии роились в ее хорошенькой головке, наполняя глаза мечтательным, влажным блеском и делая взгляд задумчиво-отрешенным. Помнила она и то, чем все это обернулось. Как страшный сон виделись ей те первые ночи с человеком, ставшим ее мужем. Их мучительные, потные ночи, наполненные бессильным вожделением, ее неловкие попытки как-то расшевелить этот его бесполезный придаток, эту бледную слепую кишку.

Ах, как она старалась, преодолевая собственный стыд, осознавая уже полную бесполезность этих усилий...

И он пытался и мял ее тело, превращая ночь ласк и наслаждений в тяжелую физическую работу. Пытаясь возбудить себя, он возбуждал ее, не давая удовлетворения мучительному желанию.

Потом он убежал от нее и, прячась, облегчал себя как мог, сам...

Это она тоже знала, и ненавидела его за это.

Их первые ночи заканчивались ее слезами. Потом наступило равнодушие, сменившееся, в конце концов, глухой ненавистью и презрением.

Но, что делать? Она все же была жена, и супружеские обязанности существовали и для нее. Иногда она допускала супруга к своему телу. Он хорошо научился пользоваться им, принося облегчение себе, только себе, используя ее как ночную вазу. При этом ему было стыдно, он сам ненавидел свое немощное тело, и рад был бы совсем избавить жену от своего присутствия, но сделать это он мог, только умерев, а пока он был жив, его тянуло к ней, как изнемогающего от жажды тянет к холодной и чистой воде.

Дважды он пытался разрешить эту проблему – один раз взрезав себе вены, другой раз сунув голову в петлю. Но и тут у него ничего не вышло. А может, он не очень и хотел, как знать?

Конечно же, она не оставалась все эти восемь лет девственницей. Да это было бы и неприлично для замужней дамы, тем более королевы.

И первого ее мужчину привел ей сам Урлах. Это был молодой человек хороших кровей, но бедный. Потом за эту услугу, а главное за молчание о ней, он был назначен послом куда-то далеко, чуть ли не за океан. С глаз долой.

Юноша этот был горяч, пылок и не очень опытен, хотя и пользовался славой донжуана. Но ей тогда не с кем было сравнивать и она была благодарна ему, хоть он и сделал ей очень больно. Он, наконец, открыл своим ключом ее начавший ржаветь замок, после чего дверь уже не закрывалась, и кто только там не побывал.

Шварцебаппер был ее давним любовником. Давним, но не надоевшим, так как встречаться им приходилось крайне редко. Тем больше они ценили каждое мгновение, проведенное вместе.

Ей нравилось его крепкое, всегда покрытое загаром тело, его воинственные усы и громкий голос. Она была покорена его простой, по-солдатски грубой манерой идти напролом к цели. Это так отличалось от жеманства придворных кавалеров с их чересчур хитроумными способами обольщения.

Скорее всего, если бы они жили вместе постоянно, он надоел бы ей через две недели, а возможно и раньше. Но так, от случая к случаю, он вносил приятное разнообразие и был тем самым кусочком черного ржаного хлеба, о котором мечтает человек, закормленный пирогами.

Вот и сейчас он остался верен самому себе, набросившись на нее сразу, как только за ними закрылась дверь.

Это тоже было частью их устоявшейся программы – он нападал, она оборонялась, он наваливался – она ускользала. Она дразнила его, доводя до бешенства, и тогда он был великолепен, как бык во время случки.

Он вообще напоминал быка – такой же сильный, свирепый и, наверное, такой же глупый, но это ее не касалось и не трогало. Пусть это заботит его премьера и начальника Генерального штаба. Ей достаточно было того, чем она пользовалась. Его ум ей был не нужен.

– Ну подожди, Шварци, – она отстранилась и положила ладонь на его горячие губы, почувствовав под пальцами колючую щеточку усов, – зажги свечи.

– Зачем нам свет, сердечко мое?

– Нет-нет, зажги! Тут давно никого не было. Тут могут быть мыши. Или какие-нибудь тараканы. Ну, я тебя прошу, зажги свечи, будь умницей.

Шварцебаппер снова застучал по кресалу, выбивая искры.

– Дорогой, ну к чему это? Что, у тебя спичек нет, или зажигалки? Надо быть современнее.

– Ну, вот еще, – проворчал король Арбокорский, продолжая свое занятие. – Ага, ну вот, а ты говоришь!..

Свечи, наконец были зажжены ко всеобщему удовольствию, в том числе и Куртифляса, уже успевшего устроиться по ту сторону стены и пока что вынужденного довольствоваться только звуком. Теперь, наконец, появилось и изображение.

– Что я, юнец сопливый, чтобы кидаться на каждую новомодную игрушку? – Продолжал по инерции ворчать Шварцебаппер. – Я как с детства привык, так и... А ты права, со светом будет лучше. Сейчас я зажгу еще. Все, что тут есть. Пусть будет светло. Я хочу видеть тебя, я хочу видеть твои глаза, я буду смотреть в них, когда ты будешь...

– Т-с-с!.. – Прервала его Сердечия. – Лучше помоги-ка мне тут, она повернулась спиной к любовнику, – ах, какие у тебя сильные руки, но, Шварци, я ведь не лошадь.

Тяжелое парадное платье сползло с нее как кожура, обнажая белый, сочный, сладкий плод.

– Как это удачно получилось, что ужин отложили. Надеюсь, с Ратомиром все в порядке.

– М-м-м... – страстно промычал в ответ Шварцебаппер, стягивая с себя и бросая на пол свой известный всему миру защитного цвета сюртук.

Он присел на кровать, на которой уже лежала в томной позе его возлюбленная, и она запустила пальцы в волосы на его затылке. Наконец, он расправился с последним ботфортом и целиком отдался тому, что в романах обычно называют пылкими лобзаниями и страстными объятиями.

Проделав необходимые в таких случаях манипуляции и приведя друг друга в состояние максимальной боевой готовности они, наконец, сошлись в том неудержимом, ритмичном танце, в котором танцорам не нужна музыка, не нужны зрители и они забывают обо всем на свете – о своих законных супругах, о времени, о том, что стены имеют глаза и уши, в конце-концов...

Внимательные глаза и чуткие уши были сегодня у стен в этой обители влюбленных.

– Черт побери! – Шептал Куртифляс, прищурясь и разглядывая клубок тел в неярком, колеблющемся свете свечей. – Да это же Шварци, я узнаю его знаменитые усы. А это... это же Сердеция! Вот так альянс! И что же мне теперь со всем этим делать?

Глава 2

Знаете ли вы, что такое точка бифуркации? А не знаете, так и не говорите!.. Лучше вспомните, как, бывало, пеняли себе: «ах, зачем!.. ну, зачем я выпил тогда эту рюмку?! Ах, если бы вернуть все назад, и не пить ее, проклятую!». Было такое? Ну, конечно, было. И вот этот самый момент, когда от вас только и зависит – выпить эти злополучные сто грамм, после которых – из-за которых, несомненно, все так и получилось, как получилось – вот этот самый момент и есть точка бифуркации.

Точка бифуркации это развилка. Помните, в сказках: «направо пойдешь – коня потеряешь...», только в жизни не бывает этих замечательных камней с сакраментальными надписями, этих дорожных указателей. И сворачиваем мы наугад – надо же куда-то идти, в конце-концов! И только потеряв коня, ум, честь, совесть, себя, наконец, понимаем, что свернули не туда. А уже – все! Уже поздно.

Вот это-то и есть точка бифуркации.

1

– А где же наши лошади? – Спросил Ратомир, растерянно оглядывая улицу возле входа в кабак.

Это была первая неожиданность, подстерегавшая их снаружи: лошадей не было. Второй неожиданностью было то, что не было вообще никого. Компания, которую они ожидали встретить у дверей в заведение, куда-то пропала.

– Вот же с-сукин сын! – Прошептал Геркуланий.

– Кто?

– Хозяин, сволочь... То-то он нас через кухню выпроваживал. Там они нас и ждут. И лошади у них.

– Ну, что? Пойдем? – Предложил Ратомир.

– Куда?

– Домой, во дворец.

– Как, пешком?! Позволить этой шпане ограбить нас, а потом спокойно уйти домой? Ну, уж нет!

Он помолчал, оглядываясь.

– Значит, они нас ждут где-то там, у черного хода. А мы появимся с другой стороны. Мы первыми нанесем удар! Пошли!

И он двинулся вперед. Движения его были легки, стремительны и в то же время спокойны. Ратомир шел следом, стараясь не думать о том, что их сейчас ожидает. Мысленно он поклялся лучше умереть, но не бросить своего нового друга.

Они прошли по скудно освещенному тротуару и свернули в темный провал подворотни.

Они брели в потемках, то и дело натываясь на какие-то ящики и ощущая разлитый в воздухе стойкий аромат гниющих отходов. Хмель испарился из головы Ратомира, так и не принеся ни радости, ни веселья. Теперь его колотила крупная нервная дрожь и он был рад тому, что в темноте это не заметно.

Геркуланий дошел до угла и остановился, подняв руку. Он осторожно заглянул за угол и тут же отдернул голову. Потом заглянул снова.

Ратомир на цыпочках и затаив дыхание подкрался к нему, стараясь не задеть какой-нибудь ящик или бутылку.

– Здесь они. – Шепнул Геркуланий.

Ратомир хотел выглянуть, чтобы увидеть самому, но Геркуланий остановил его.

– Подожди, их тут пятеро. У тебя есть с собой что-нибудь?

– Что?

– Ну, нож, пистолет?..

– Нет, ничего такого.

– Жаль. Я вот тоже... Даже без шпаги. Только кинжал.

Он приподнял полу своей зеленой бархатной куртки. Под ней оказались ножны.

– Вот он, родной. Я без него никуда. У нас так принято.

В руке у него холодно блеснула сталь.

– А лошади там? – Спросил Ратомир.

– Пока не вижу.

– Ну что? Будем нападать? – Нервная дрожь не утихла и требовала какой-то разрядки, каких-то действий: уж наступать, так наступать, убежать, так убежать – чего тянуть-то?

– Подожди, – отозвался Геркуланий, – не торопись. Их пятеро. Надо подумать.

Пятеро против одного – а Ратомир в драке, конечно, не в счет – это много. Это слишком много. Дворик, где они стоят освещен. Пока он добежит до них, они увидят его, они успеют собраться. Он сможет положить одного, ну – двух. Оставшиеся трое... Нет, это не мысль!

Надо их как-то растянуть, чтобы можно было разбираться с каждым поодиночке. Сколько они еще будут ждать? Потом кто-нибудь зайдет в кабак и узнает, что они ушли. Тогда они пойдут сюда. Хорошо, но они опять-таки пойдут всей толпой.

Так, а что, если...

– Вот что, – прошептал он, – давай-ка для начала соберем эти ящики, которые тут валяются.

– Зачем?

– Давай-давай, потом объясню. Только – тихо!

Ратомир приносил ящики, а Геркуланий ставил их один на другой. Так что скоро получился высокий, кривоватый, с тихим скрипом покачивающийся штабель.

Грохоту будет, если они сейчас упадут, – подумал Ратомир.

– Теперь так... Камень бы какой-нибудь, но где его сейчас найдешь, ладно... Поищи какую-нибудь бутылку. Тут их полно.

Решив не задавать больше вопросов, Ратомир сделал несколько осторожных шагов и действительно наткнулся на тихо звякнувшую под ногой бутылку.

– Есть...

– Ну, вот, а теперь слушай меня внимательно. На тебя вся надежда. Ты будешь главным игроком в нашей команде. Только не струсь!

2

В любом крупном городе есть районы со скверной репутацией. Это, конечно, не значит, что в других можно на ночь не запирасть входную дверь, но все же там гораздо спокойнее. В какой-то мере это загадка, ведь в городах нет ни границ, ни таможен, и глухими заборами с колючей проволокой районы друг от друга не отделены. Преступники и бродяги, хулиганы и пьяницы могут беспрепятственно ходить где им вздумается и, казалось бы, если где и грабить, так это именно в благополучном, тихом квартале, населенном уважаемой публикой с тугими кошельками в карманах дорогих пиджаков. Но нет, грабители грабят пьяниц, успевших пропить последнюю рубашку, а хулиганы хулиганят там, где больше всего шансов самим нарваться на таких же хулиганов.

Если кто и может пролить свет на эту загадку природы, не считая, конечно, самих хулиганов, бандитов и пьяниц, то это полицейские. Но они, разумеется, скажут, что этого тоже не знают, но зато они знают в каком районе можно патрулировать спокойно и без страха, а в какой можно идти только предварительно застраховавшись и написав завещание.

Район в обрамлении Большой и Малой Гончарных улиц, Дубовой аллеи и проспекта Эдуарда Девятого считался районом тихим, спокойным и благопристойным. Патрулирование тут,

особенно в хорошую погоду, было делом приятным, безопасным и напоминало прогулку перед сном.

Четверо полицейских: сержант, капрал и двое рядовых – Петров и Сидоров, не спеша шли по Малой Гончарной. Ходить по улицам – это была их работа. Им за это платили, вот они и шли.

Сегодня, правда, было не до благодушного созерцания пробуждающейся природы и добротной архитектуры в стиле конца прошлого века. Сегодня наряды были усилены и призваны проявлять бдительность. Сегодня в город вошли части дворцовой охраны, а этих головорезов зря срывать с места не будут.

Сегодня в городе пропали наследник и еще какой-то король, кажется жених царевой дочки. Где их искать, и что с ними делать, если вдруг найдешь, было неясно. Зато понятна была обычная в таких случаях команда: хватать всех подозрительных.

Подозрительный пока попался только один. Он пытался влезть в форточку и это у него не получалось. Выяснилось, что он потерял ключи от собственной квартиры. Ему помогли. Тощий Сидоров без труда проник через форточку в помещение и открыл входную дверь. Обрадованный хозяин достал бутылку и четверым патрульным пришлось, уступая его напору, нарушить устав.

Сидоров пил, потому что это именно он был главным героем приключения. Сержант пил, потому, что он был тут главный. Капрал пил, потому что ему разрешил сержант. А Петров, ну, Петров – потому, что все пили. А он что – дурак отказываться?

Теперь им было хорошо. Погода стояла великолепная. Район у них был спокойный. Хотелось чего-то: не то еще выпить, не то спеть, не то совершить подвиг... Но пить было нечего, петь нельзя, а что касается подвигов...

– Тихо! – Скомандовал сержант.

Все замерли. Капрал хотел встать смирно – пятки вместе, носки врозь, руки по швам – но его качнуло, и он решил не выпендриваться.

Но тихо было и вокруг. Ничто не нарушало покоя приличного квартала. Добрые люди, населявшие его, давно уже спали, а если и не спали, то все равно старались не шуметь.

– Пошли. – Скомандовал сержант.

– А вот интересно, – подал голос Сидоров, – а вот если этого жениха так и не найдут, свадьбу отменят?

– Да ты что? Спятил? – Возразил капрал, и сержант посмотрел на него с неудовольствием, потому что хотел возразить сам.

– Как же можно отменить, – продолжал капрал, – если гости уже собрались и невеста готова? И вообще, это государственное мероприятие. Тут не жених важен, а это... – он пошевелил пальцами, – политика, понял?

– Ага. А как же без жениха-то?

– Да черт с ним, с женихом! – Встрял все-таки сержант. – Другого найдут. Тебе же говорят, политика!..

Глупый, тощий Сидоров в политике не понимал ни черта. Поэтому он сокрушенно вздохнул, и посмотрел вдаль. Там, вдали, кто-то быстрыми шагами пересекал мостовую, попадая тем самым как раз в зону их патрулирования. Сидоров вытянул руку и указательным перстом указал в сторону нарушителя.

– Во! Во!.. – Сказал он. – Смотри-ка!..

Все посмотрели и сержант, взяв в губы свисток, оглушительно свистнул.

Фигура стала поспешно удаляться, стремясь во мрак. Она вела себя подозрительно, и полицейский патруль кинулся в погоню.

Пафнутий Харитонидус услышал за спиной протяжную трель полицейского свистка и оглянулся вокруг. Вокруг не было ни души, если не считать маячивших в отдалении полицейских. Похоже, что свистели ему. Пафнутий на секунду замер, потом, решив, что проще уйти, чем полночи, а то и до утра объяснять в участке причины нахождения в данный час в данном месте и доказывать отсутствие дурных намерений, повернулся и двинулся прочь. Он быстро миновал освещенное место и в укрытии ночной темноты свернул в первый же попавшийся проулок.

Пафнутий, как это часто с ним бывало в последнее время, засиделся в аптеке, где он зарабатывал на жизнь в скромной должности ученика провизора. Хотя, вообще-то, он был маг, или, как их называют в народе, волшебник. Магом он был самым натуральным, хоть и без диплома. А диплома у него не было по вполне не зависимым от него обстоятельствам. Просто так уж получилось, что как раз в прошлом году, когда он должен был закончить Высшие магические курсы в родном Кранахе, курсы эти были скоростажно закрыты. Местный епископ, недавно назначенный на эту должность, решив, видимо, показать всему миру, что не зря ест свой хлеб с постным маслом, объявил крестовый поход против магов, волшебников, ведьм и колдунов во всех их бесовских обличиях и проявлениях. Началась настоящая травля, закончившаяся тем, что толпа разгромила и сожгла здание курсов. Заодно сожгли и директора, а вместе с ним и еще нескольких профессоров – выдающихся знатоков эзотерики и оккультизма. Учеников, слава богу, не тронули. Удалось спастись и некоторым преподавателям.

Одному из них помог уйти от гнева разъяренной толпы сам Харитонидус на пару со своим приятелем и соседом по общежитию, Брютом, любимым учеником профессора. Потом Пафнутий ушел в Амираан, к своему дяде, аптекарю, а Брют, насколько это было известно Пафнутию, остался с учителем. Учитель, Валея бен Салех, могучий темнокожий колдун из далеких южных провинций, хранитель древней мудрости своего почти исчезнувшего народа, очень тяжело переживал случившееся. Он, помнится, плакал и кричал, рвал на себе мантию и остатки седых волос. Он посылал нешуточные проклятия на головы неблагодарного и невежественного народа и тех, кто этот народ подстрекал. Он каялся и клялся больше никогда не заниматься магическим искусством, пропади оно пропадом. В общем, он был вполне себе неадекватен, и спасти его – это был тяжкий труд.

Но спасти учителя тогда все же удалось. В благодарность за это бен Салех, отойдя немного и вернув себе душевное равновесие, подарил Пафнутию при расставании толстую тетрадь, в которой, как он сказал, было собрано кое что из сокровенных знаний его народа, и чем он, вообще-то не имел права, да и не собирался делиться со своими учениками в рамках учебной программы. Почитав потом то, что содержалось на страницах этой тетради, Пафнутий ужаснулся. Это и правда была темнейшая, просто-таки почти черная, магия. И он, конечно же, не собирался экспериментировать с описанными там ритуалами, зельями и заклятиями. Был момент, когда он даже хотел сжечь проклятую тетрадь во избежание соблазна, но потом все же передумал. Пусть будет... Но заглядывать туда он зарекся. Хотя и помнил, что там имеется.

В настоящий момент Пафнутий пробирался домой, если можно так назвать койку в общежитии, в комнате, где стояли еще три такие же койки и проживали еще три молодых, полных весенних соков, дебила. На что-нибудь лучшее у Пафнутия просто не было денег, а ночевать в аптеке запрещал дядюшка Маркус.

И вот, наконец, завтра – уже завтра, а, может быть, и сегодня, ведь вроде бы уже перевалило за полночь, с этим позорным существованием будет покончено! Да, не так просто засиделся в аптеке молодой маг. Не порошки он готовил для завтрашних немногочисленных покупателей. Была у него идея. И вот завтра, вернее уже сегодня, эта идея должна была принести свои долгожданные плоды. Он верил в это. Иначе зачем вообще жить, если нет надежды. Сегодня днем его примет сам Его Величество царь Амираана Бенедикт! И все решится. Дайте

только сейчас ему, Пафнутию, добраться до своей продавленной койки. Ему надо выспаться, ему надо завтра иметь свежую голову и, черт побери! – свежий вид.

А тут эти менты! Как некстати!

А полицейские не отставали. Они знали этот район, Пафнутий – нет.

Он пытался уйти, сворачивая в проулки, проезды и подворотни, каждый раз рискуя оказаться в западне. Но пока что ему везло, если не считать того, что топот ног сзади не ослабевал.

Пафнутий начал уже задыхаться. Сидячая работа давала мало возможностей для тренировки ног и дыхательного аппарата. Он почувствовал, как закололо в правом боку. Надо было куда-то спрятаться. Дальше он бежать просто не сможет. Они догонят его, повалят на землю, будут бить, порвут единственный приличный костюм, и в чем же он тогда завтра...

Ах, боже мой! И надо же, чтобы это случилось именно сейчас!

Пафнутий свернул за угол. Это был уже пятый или шестой угол, за который он заворачивал. Он сбился со счета.

И опять это был маленький дворик, в который выходили парадные двери домов, освещаемые фонариками. Во дворике росли какие-то чахлые деревца, стояли скамейки, баки с мусором и не было ничего, ровно ничего такого, что сошло бы за укрытие для несчастного беглеца.

Он подбежал к одной из дверей и подергал за массивную бронзовую ручку. Бесплезно! Дверь была заперта, как и полагается. Все они были заперты. Там, за ними, за их надежной защитой спали честные, порядочные граждане. И никто не откроет, даже если постучать, напрасно и пытаться. Но что же тогда делать?!

Силы покидали Пафнутия. Все бесполезно! Его все равно догонят, и чем дольше за ним будут гнаться, тем злее будут потом бить.

И тогда Пафнутий решился на то, на что ни за что не решился бы в других обстоятельствах: он решил попробовать применить то, чему его учили на курсах. То, из-за чего таких как он жгли на кострах, из-за чего ему самому пришлось бежать на чужбину и начинать жизнь заново.

Ладно, хуже, кажется, все равно не будет. И потом, разве завтра он... Однако, об этом после! А пока...

Он спрятался за мусорными баками, понимая, как ненадежна их защита, но надеясь выиграть хотя бы минуту. Надо было перевести дух и хоть немного сосредоточиться. Как ни странно, нужная формула сама пришла ему в голову, будто только и ждала, когда понадобится. Он произнес ее и закрыл глаза. Он чувствовал, как утихает сердце, как деревенеет и сморщивается кожа, он уходил ногами вниз, а головой тянулся к далекой, холодной звезде.

Сержант с капралом, Петров и Сидоров вошли в азарт погони. Не было сомнений, что этот тип, ловко шныряющий проходными дворами и, видимо, отлично ориентирующийся в здешних лабиринтах – опасный преступник. Может быть, он даже как-то связан с пропажей наследника и тогда, конечно, их всех ждет почетная награда, а кое-кого даже и повышение по службе.

Этот ловкий прохвост старался их запутать, но они тоже были не лыком шиты, и всякий раз правильно угадывали направление его движения.

Самое паршивое, это если он спрячется где-нибудь в доме. Что, если у него есть ключ и он шмыгнет в дверь и успеет закрыть ее до того, как они увидят, куда он делся? Не зря же он петляет по дворам, значит, тут у него где-то его укрытие, его звериное логово.

И они снова ускоряли бег.

И вот, наконец...

– Ага!.. – Прохрипел сержант, на ходу вытирая рукавом мокрый лоб.

– Ага! – Торжествующе откликнулся капрал, поправляя на ходу кивер.

– Ага!! – Мысленно возликовал Петров, а Сидоров еще ничего не понял, потому, что отстал на несколько метров.

Этот негодяй, наконец, сам загнал себя в ловушку. А может, и не сам, а может, это они... Ну, конечно же, это они, своими правильными действиями вынудили его забежать в этот глухой замкнутый дворик, из которого – это они точно знали – не было другого выхода.

Они разбежались в разные стороны, ища, где он затаился, и снова сошлись, глядя друг на друга и растерянно оглядываясь по сторонам.

Дворик был пуст. Тут негде было спрятаться. Двери были заперты. Пустое пространство несколько разнообразили скамейки, врытые в землю возле дверей, несколько чахлах деревьев, мусорные баки и, сразу за ними, огромный дуб, высоко, почти до третьего этажа, поднявший свою крону.

Сержант изумленно глянул на это дерево. Странно... Вроде тут ничего такого не было. Он ничего не сказал, боясь, что его заподозрят в потере памяти. Остальные промолчали тоже. И только Сидоров, новичок в здешних местах, мог позволить себе бестактность подойти к дубу и погладить его по толстой, покрытой трещинами коре со словами:

– Ну, ништяк себе вымахал!..

Они ушли, ругаясь и отплевываясь. Двор опустел и только один Пафнутий долго еще стоял, чувствуя, как трепещут листья на легком ветерке и как мощно тянутся соки к ним под толстой корой.

Лохматый дворовый пес долго обнюхивал его ствол, а потом поднял заднюю лапу и помогился.

З

Задача была проста и понятна. Цель близка и видна, как на ладони. Подводили ноги. Они бежали нехотя и как бы через силу, хотя Ратомир и пытался, пытался до изнеможения, заставить их двигаться чуть-чуть быстрее.

Ноги не поспевали за сердцем. Оно шло вразнос и готово было взорваться фонтаном кипящей крови. Бутылка скользила в потной ладони и Ратомир испугался, что он не добросит ее с того места, которое они наметили.

Тем местом был лежащий на земле обломок доски с торчащим из нее ржавым гвоздем. Собственно говоря, этот гвоздь стал заметен только сейчас, когда Ратомир приблизился к нему. Это был действительно большой, ржавый и погнутый гвоздь. Теперь он стал осью, вокруг которой могла повернуться жизнь.

– Видишь эту доску? – Спросил его Геркуланий.

Ратомир молча кивнул.

– Ты должен будешь быстро, как можешь быстро, добежать до этой доски – запомни, до доски, ни позже, ни раньше... значит, добежишь до доски и с ходу... Ты гранату кидал когда-нибудь? Нет? Ну, ладно... С ходу, не думая и не целясь, швыряешь бутылку в голову во-он того, видишь? Да, в желтом таком... Он ближе всех стоит. И все. И сразу – назад. Только еще быстрее. В подворотню вбежишь – только вбегай посередине, там чисто, а то ты еще на ящики наткнешься, понял?.. Вбежишь, и беги дальше, на улицу, не останавливайся. Там меня подождешь, а я тут их сам... Ну, как, сможешь?

Ратомир попытался проглотить комок, закупоривший горло, и сказать:

– Да! – Но только молча кивнул головой.

– Молодец! – Выдохнул Геркуланий. – Ну, давай.

– Сейчас? – Вырвалось у Ратомира.

Тяжелая рука Геркулания легла ему на спину и помогла переступить черту, сделать шаг...

Он бежал, преодолевая густой кисель пространства и смертную слабость собственных мышц и суставов. Он бежал и смотрел на этот обломок доски – грязный, неровный, с остатками коры и заусенцами, торчащими в месте слома, он смотрел на этот приближающийся гвоздь, а когда до него оставалось совсем немного, начал отводить правое плечо и руку с метательным снарядом, назад. Он размахивался, готовясь бросить и, наконец, когда уже точно было пора, поднял глаза и увидел взгляд этого, стоящего впереди. На мгновение взгляды их скрестились, и Ратомир увидел – первый раз в жизни – страх в глазах этого типа.

Это был страх перед ним, и он понял это мгновенно, без слов и рассуждений, и этот страх вдруг преобразил его. Это было непередаваемо: как бывает, когда долго-долго не можешь вдохнуть, а потом вдруг в твои легкие врывается воздух. Тело стало легким и послушным. Мир вокруг вновь обрел четкость, и рука надежно сжимала скользкое стекло, готовая к броску.

Тот же, в желтой рубахе, расстегнутой до живота, стоял и смотрел и ничего не мог сделать, уже ничего, и только руки его медленно ползли вдоль тела вверх в жалкой попытке успеть защитить голову.

Ратомир кинул и на долю секунды замер, чтобы увидеть результат. Тот все-таки успел поднять одну руку, и бутылка горлышком ударила об нее, но это не смогло остановить ее неукротимый полет, и толстым массивным дном она врезалась ему куда-то в мякоть лица.

Дальше Ратомир смотреть не стал. Он сделал то, что должен был сделать. Он смог! И развернувшись на легких, пружинящих ногах, он бросился назад, слыша сзади хриплый рев и топот догоняющих ног.

Геркуланий с замирающим сердцем смотрел на этот опасный номер. Ратомир бежал быстро, но как-то неуверенно и потому неуклюже, странной, вихляющей походкой.

Ему было страшно. Геркуланий понимал это. Как понимал и то, насколько оправдан был этот страх. Но он знал и другое: знал, что сейчас наступает может быть главный момент в жизни этого полумальчика. Сейчас решается – станет он мужчиной, или так и останется недоразвившимся слюнтявым слизняком, маменькиным сыночком.

Кто-то должен был сделать это. Видно, кроме него, Геркулания, больше было некому. Ничего, когда-нибудь потом ему скажут спасибо. Может быть... А пока...

Не глазами даже, а заострившимся чутьем, голым раскаленным нервом Геркуланий увидел, почувствовал какое-то мгновенное изменение, произошедшее там, на той самой черте, на которую выходил, чтобы переступить ее, Ратомир. Он увидел, как тот размахивается, готовясь к броску и, еще за долю секунды до самого броска, понял, что цель будет поражена, и что они уже победили.

Он смотрел, как бежит Ратомир, теперь уже сюда, и это был другой бег, другой Ратомир, и это была, независимо от того, как там все сложится дальше – выигранная битва. Главная цель была достигнута. Оставались мелочи, вроде этих пятерых.

Ратомир пролетел мимо него легко и бесшумно. Геркуланий подобрался и, когда следом в темный проем ворвалась бегущая фигура, сделал то, что и собирался. Он сильным толчком уронил штабель на пол и тот с грохотом рухнул прямо за спиной того, что ворвался сюда первым. Тот инстинктивно затормозил и оглянулся, и тут же получил хирургически точный удар ножом чуть ниже груди.

Геркуланий не мог позволить себе тратить время на лишние движения. Следом уже летел и падал, споткнувшись о баррикаду из ящиков, второй, и, не успев он еще достигнуть земли, как свирепое жало поразило и его.

Оба они умерли мгновенно, не издав ни крика, ни стога. Они не спугнули третьего, упавшего под ноги четвертого.

Оставался еще один удар, и еще одна маленькая победа будет сдана в архив.

Но пятый не появлялся, и не слышно было ни топота ног, ни тяжелого дыхания. Геркуланий выглянул. Посреди двора, широко расставив ноги, стоял тот самый, что говорил с ним там, в кабаке. Видимо, он был самый умный или самый опытный, а может быть и то и другое одновременно.

Он не смог остановить товарищей, кинувшихся в западню, но у него хватило ума не лезть туда самому, и теперь он стоял и ждал, готовый сразиться насмерть. Но уже на своих условиях.

Это понравилось Геркуланию. Он уважал достойных противников. Может быть, он мог бы даже подружиться с этим человеком, но не сейчас.

Сейчас между ними легла кровь, и просто так разойтись они уже не могли.

4

Принципия бесцельно брела по какому-то бесконечному коридору, тускло освещенному настенными канделябрами. Неясная тревога гнала ее все дальше и дальше и, словно находясь в каком-то полусне, она забывала о том, где она только что была, с удивлением обнаруживая себя уже в ином и совершенно незнакомом месте.

Весь вечер провела она у себя в комнате. Она не понимала, что с ней. Это было похоже на лихорадку. Ее начинало знобить и она куталась в одеяло, потом пот прошибал ее и она устремлялась к окну и, распахнув его настежь, жадно пила прохладный вечерний ветер.

Ей было стыдно и больно. Ей было легко и радостно. Она снова и снова переживала про себя произошедшее и чувствовала на себе руки и губы Герка, ощущала малейшие подробности и детали их стремительного соития.

Какого невероятного труда стоило ей, оставшись тогда одной, держать себя в руках и вести себя так, как если бы ничего, кроме примерки и не произошло. Каких нечеловеческих усилий стоило выдержать обратную дорогу, когда каждое слово, каждый взгляд Марго говорил ей, что ее тайна раскрыта и по ней ясно видно, чем она только что занималась.

Оставшись, наконец, одна, она в изнеможении рухнула на кровать и, наверное, с час лежала как кукла, без мыслей и движений, в блаженном полусабытии восстанавливая истраченные силы.

Принципия знала о предстоящем ужине и загодя стала готовить себя к нему. Надо было привести в порядок не только глаза и прическу, но и сердце, и мысли.

– Я люблю его. – Шептала она, сидя перед зеркалом.

– Я люблю его... – откликалось ее отражение в темной глубине напротив.

– И он любит меня, – шептали ее губы, – а значит...

– А значит, нет в том греха, – говорили ей глаза, смотрящие на нее.

– Мне было хорошо, – признавалась она той, что смотрела на нее с той стороны.

– Но это было только потому, что это был он, – утешала ее та, – только с ним...

– И ни с кем другим, – кивала Принципия. – Никогда...

– Никогда!

Она была готова. Сейчас они встретятся с ним. В большом освещенном зале, за одним столом. Еще не рядом, это будет завтра, а пока по разные стороны, окруженные родственниками. Они будут смотреть друг на друга и улыбаться. Это ничего, это можно, ведь они – жених и невеста. Все, наконец, утряслось. Все разрешилось, и теперь все будет хорошо. Всегда будет хорошо. Как им было хорошо сегодня.

Сейчас ее позовут, сейчас...

Она взглянула на часы.

– Пора. – Сказали ей стрелки.

– Пора. – Сказало ей ее отражение и кивнуло головой на прощанье.

Принципия прошла по комнате. Что же не идут? Точность – вежливость королей, а ее отец был вежлив. Что же не идут?

Она села. Снова встала. Нетерпение охватило ее. Что же там?.. Скорее бы уж! Как они выдержат это испытание? Не выдадут ли друг друга? Ведь теперь у них, кроме любви, есть еще и общая тайна.

– Нет-нет, нет, – подумала Принципия, – ни за что не пойду! Неприлично. Надо подождать. Пусть позовут. Что, в самом деле?..

И она снова решительно села.

– А что, если что-то случилось, а я не знаю?

– Я на минутку, – сказала она себе, – я только гляну...

В малой столовой, куда она спустилась, встретив по дороге несколько спешащих куда-то лакеев с заполошными и растерянными лицами, было пусто. Стоял накрытый стол, вдоль него нервно прохаживался метрдотель в белых печатках. На хорах настраивал инструменты маленький оркестр.

Тоскливо и протяжно прозвенела струна и Принципия захлопнула дверь. Во всем этом было что-то не то. И ей стало не по себе.

Поднимаясь по лестнице, она встретила Сердецию. Сестра, похоже, спешила куда-то и, кажется, была чем-то взволнована.

– Постой, – тронула ее за рукав Принципия, – подожди, что случилось? Ты не знаешь?

– Ах, это ты, цыпленочек? – Сердеция потрепала ее по щеке. – Ужин ненадолго отложили. Ничего страшного. Иди к себе.

– А что случилось?

– Ах, да что могло случиться? Ну, я не знаю, может, что-то подгорело на кухне. Ну, пустяки какие-то. Ты не волнуйся. Иди к себе, отдыхай, нас позовут.

Сердеция выпалила это все одним духом и снова потрепала Принципию по щеке – ласковый такой жест, успокоительный. Только какой-то нервный немного. Суегливый. И рука холодная...

– Иди, иди!.. – Повторила Сердеция, словно прогоняла. Похоже, она действительно торопилась.

– Куда все спешат? – Подумала Принципия, поднимаясь по лестнице. – А мне вот, кажется, спешить совершенно некуда.

И опять она осталась в своей комнате, наедине с собой и своими мыслями.

– Прощай, моя миленькая комнатка, – тихо сказала она, – завтра я уже буду на корабле. Сегодня последнюю ночь мы проведем вместе.

– Прощай, – сказала она, присаживаясь на кровать и глядя подушку, – прощай, моя мягкая! Какие сны ты мне подаришь на прощанье?

Она прилегла, стараясь не помять платье. Как хорошо, что сегодня еще можно одеться попроще. Без этих топорщащихся крахмальных нижних юбок. Сегодня она еще девочка и ей позволителен этот скромный наряд. И, кстати, эти нижние юбки уже выходят из моды.

Что же, все-таки, случилось? Почему отложили начало ужина? Почему все бродят, как неприкаянные?

Тревога сменилась каким-то сонным оцепенением, тишина царила вокруг, ветерок врывался в окно, шевеля занавески и помешивая воздух в комнате, как чай ложечкой в стакане...

Ветерок принес с собой где-то недавно слышанный звук. Тревожный и тоскливый – звук лопнувшей струны. Этот звук вошел в нее, и вибрация заполнила ее, как легкий газ заполняет оболочку воздушного шара. Он заполнил ее и она легко, будто став невесомой, поднялась на ноги.

Ветерок дунул ей в спину и распахнул дверь, и вынес ее из комнаты в пустой, полутемный коридор, где знобящим сквозняком гуляла тревога.

Она спускалась по лестнице, а навстречу ей то и дело попадались ее сестры.

– Принципия! – Строго сказала ей Софроней. – Когда ты научишься себя вести? Ну, куда ты идешь? Ты должна понять, наконец, что государственные интересы выше личных.

– А что случилось? Почему все идут наверх?

– Ничего особенного. Возникли временные трудности. Все проблемы будут разрешены, но требуется наше присутствие наверху. – Софроней показала пальцем вверх. – Наше место там. Пойдем!

И Софроней продолжила свой путь, гордо неся свое августейшее величие.

Следующей была Гриппина, с лицом, занавешенным полупрозрачной вуалью, должно быть, это была чадра.

– Пойдем, – сказала она глухо, – туда нельзя.

– Почему?

– Я не знаю. Но мы должны быть послушны. Сказано – нельзя, значит – нельзя!

– Ты идешь вниз? – Шепнула Принципии на ухо Сусалина, поравнявшись с нею. – Что ж, может быть, ты и права. Я теперь, право же, не знаю, где лучше. Я бы тоже пошла с тобой, но это так страшно...

– Так что же мне, идти? – Спросила Принципия.

– Иди, если хочешь. Какая разница?

Сердечия бежала, тяжело дыша, приподнимая руками юбки, чтобы не наступать на них.

– Я же тебе сказала, сиди в своей комнате. Почему ты не ждешь, когда тебя позвуют? Видишь, всех уже позвали, а как же теперь позвуют тебя?

– А меня уже позвали, – подумала Принципия, продолжая свой путь, – но только почему-то не туда, куда всех.

Вслед за сестрами поднимался отец. Лицо у него было усталым и озабоченным. Он окликнул ее и спросил, куда она идет.

– Вниз. – Улыбнувшись, ответила Принципия.

– А зачем? – Удивился отец.

– По-моему, меня позвали.

– Кто? А, знаю, это повар. Да, это повар. Ну конечно, это он! Это из-за него весь переполох.

– А что случилось?

– Повар сошел с ума. Он сидит и точит нож.

– Правда? И что потом?

– Когда – потом?

– Ну, когда он его наточит.

– А-а!.. – Махнул рукой Бенедикт. – Он его никогда не наточит. Я же говорю, он сошел с ума. Он точит его на своем колене. Значит, ты идешь к нему?

– Я не знаю. – Призналась Принципия.

– Ладно, передай ему, что салат он пересолил. И пусть побольше кладет чеснока в соус.

А лестница тем временем все наполнялась и наполнялась народом. И все шли вверх, только вверх.

Спешили нарядные дамы, благоухающие цветами и травами, спешили кавалеры в черных смокингах, расшитых золотом камзолах, великолепных мундирах, с шпагами и без шпаг, с бородами, усами и бакенбардами.

Но тут же, бок о бок со знатью, спешили наверх и люди более простого обличья: пихаясь и пыхтя лезли навстречу ей толстые бабы с большими корзинами – что было в этих корзинах знали они одни. Шли солдаты, возвышаясь надо всеми своими высокими киверами, с длинными ружьями за спиной и саблями на боку. Шли лакеи и горничные, мелькали поварские

колпаки и фартуки, видны были в толпе матросская шапка и черная риза, украшенная большим крестом на груди.

Иногда в толпе мелькали знакомые лица: вон звенит бубенчиками дурацкий колпак Куртифляса, вот прямо на нее идет массивная и важная Марго. Увидев Принципию, Марго на секунду остановилась и, видимо, хотела ей что-то сказать, но поднимавшиеся следом не дали ей этого сделать, и, вынужденная идти дальше, Марго только улыбнулась и подмигнула Принципии. Весь ее вид говорил при этом, что ей известно что-то такое!..

Толпа становилась все гуще, и Принципии все труднее становилось прокладывать себе дорогу в этом потоке. Задние напирали, понуждая передних двигаться все быстрее и быстрее.

– Я больше не могу, – думала Принципия, – надо или подниматься вместе со всеми, или искать обходной путь. Должны же быть и другие лестницы.

Ее чуть не затоптали, пока она, на очередной площадке пробралась к двери, ведущей с лестницы в коридор. Но она сумела устоять на ногах, все еще поддерживаемая той волшебной вибрацией звука, сорвавшего, сдувшего ее с постели и бросившего вниз. И теперь она брела по бесконечному коридору непонятно какого этажа. Коридор был безлюден. Это явно было не то место, которое она искала. То место было ниже, гораздо ниже.

– Тут дело не в чесноке, – говорил Повар. Он и в самом деле точил нож. Правда, делал это он не на колене, а на большом точильном камне, – тут дело совсем в другом. Работать стало просто невозможно!

Он все точил свой нож, как заведенный, то и дело пробуя его пальцем и яростно сверкая глазами на Принципию. Он был высокий, тощий, черноволосый, черноглазый и смуглый, что красиво контрастировало с белизной его колпака и одежды.

Принципия попала сюда, спустившись по темной узкой лестнице до самого низа. Там она попала в узкий закуток, заваленный пыльным хламом и ящиками. Из закутка вела тяжелая, обитая ободранной ржавой жестью дверь. За нею и была, оказывается, кухня.

Поначалу кухня показалась ей маленькой, но это было обманчивое впечатление. На самом деле кухня была громадна, она представляла собой целое царство перетекающих одно в другое пространств, заставленных огромными плитами и столами, маленьких, грязных каморок, холодильников, со свисающими с крюков тушами, темных тупиков и широких коридоров.

Они с Поваром шли по этому лабиринту и Повар, блестя отточенным ножом, белыми зубами на смуглом лице и голубыми электрическими молниями в черных грозовых глазах, кричал ей, силясь перекричать адский гул конфорок, рвущегося из-под крышек пара и грохота посуды:

– Посмотрите, посмотрите, ну, разве можно что-то делать в таких условиях? Коты совсем замучили! – С этими словами он яростно пнул подвернувшегося кстати под ногу огромного рыжего кота с наглой мордой и обгрызенными ушами. Кот с ревом улетел в пустое пространство под плитой. – Эти коты хуже мух, хуже мышей, хуже людей, наконец! Они шляются, где хотят, жрут, что попало, путаются под ногами, попадают в котлы. Я бы только приветствовал это, если бы они попадали туда потрошенными и без шерсти! От них хороший навар, и в соусе, например, корнифоль они просто незаменимы. Но они же падают туда со всей своей шерстью. А в шерсти кошек есть блохи, чтоб вы знали. А от кошачьих блох бульон начинает горчить. И этого привкуса не отбить уже никаким чесноком.

Котов и в самом деле было видимо-невидимо. Они шныряли по полу, дрались, прыгали. Они отчаянно орали, когда кухонные работники, то и дело забегавшие в кухню в грязных ватниках погреться и попить чайку, наступали на них своими сапогами.

– Кроме того, – продолжал разгневанный Повар, – от котов заводятся мыши. Это давно уже подмечено – где коты, там и мыши! Я знаю, есть люди, которым нравится запах мышинного

помета. Но не во всех же блюдах он хорош! И, потом, его же надо специально готовить, высушивать, а вы что думали?!

Повар пнул ногой дверь и они вошли в каморку, еле освещаемую фитильной лампой. В каморке сидела баба, тоже в ватнике. Перед ней стояла корзина, полная яиц.

– Ну, что? – Спросил ее Повар.

– Ну, дык... – отозвалась баба, взяла в руки яйцо, стукнула его о край корзины и разломила пополам.

Из яйца кубарем вывалился пушистый желтый цыпленок. Он поднялся с грязного пола, отряхнулся, злобно глянул на присутствующих и, сказав негромко, но внятно: «Скоты!..», удалился прочь, прихрамывая и нервно пожимая крылышками.

– Ага, ну вот, опять! – Отозвался Повар.

Баба тем временем продолжала крушить яйца, освобождая все новых и новых цыплят.

– Вот видите, – сказал Повар, обращаясь к Принципии, – видите! И если вы думаете, что я потворствую, что я не борюсь... если вы думаете, что я не сигнализировал наверх, не писал рапортов!.. Да хотите, я вам покажу, у меня весь кабинет завален.

– Нет-нет, что вы... – пролепетала Принципия, подавленная яростным напором Повара.

Она снова чувствовала в себе зов, и понимала, что опять попала не туда.

– А моральное состояние? – продолжал, между тем, Повар свои жалобы. – Разве, по вашему, не угнетающе действует, когда штукатурка сыплется вам на голову? Или когда в полу такие дыры, что туда спокойно можно спрятать окорок? Это, между прочим, не я ворую окорока, это они сами падают в щели. Попробуй потом достань их оттуда!

Повар долго еще повествовал о плохой тяге, о полном отсутствии вентиляции, водил Принципию в мрачные бытовки с неработающей канализацией, и показывал ей битые, пыльные стекла, обращая ее внимание на отсутствие решеток. Все это проскользнуло почти что мимо, почти что вскользь и почти не задев ее сознания. Мелькнуло и прошло. Да и было ли?..

И она спросила, наконец, Повара о том, что ей и правда хотелось узнать:

– А почему, скажите, пожалуйста, задерживается ужин?

– Ах, ужин?! – Возопил Повар, сверкнув на нее глазами. – Ужин?! – Вскричал он, швыряя себе под ноги свой белоснежный колпак. – Так я и знал! Ужин! Вот, что вас волнует! Вот за чем вы сюда пришли!.

Он растоптал ногами колпак, плюнул на него и, в бессильном гневе, всадил в столешницу нож. Нож вонзился глубоко, и, пытаясь вытащить его обратно, Повар несколько пришел в себя и успокоился.

– Пойдемте, я вам покажу. – Сказал он, и, бормоча что-то вроде: «А я-то, дурак, думал... А я-то перед ней...», повел ее туда, где в дыму, грохоте и облаках пара на огромных плитах стояли огромные котлы, в которых громко булькало.

Он подвел ее к одному из них и громко крикнул:

– Эй, там!..

Из котла вынырнула голова, покрытая, как водорослями, разваренными капустными листьями, луком и кусочками моркови.

– Ну, что? – Спросил Повар.

Голова отрицательно покрутилась и снова исчезла в котле.

Со всех сторон подбежали любопытные поварихи и поварята.

– Я уронил туда свои часы, – пояснил Повар, – хорошие часы, между прочим. Подаренные мне за десять лет беспорочной службы. Там и дарственная надпись есть. И что же я теперь должен?.. Вот найдутся, и будет ужин. А пока...

Повар разочарованно покачал головой и пошел прочь, уже не глядя на Принципию и продолжая бурчать себе под нос:

– Ужин! А я-то думал... присылают всяких...

Принципия побоялась снова тревожить сердитого хозяина кухни и обратилась к поваренку, который, стоя рядом, вставал на цыпочки и с любопытством заглядывал в котел, в котором варилось что-то, включавшее в себя теперь дареные поварские часы и его приятеля.

– Скажите, – спросила она, трогая его за плечо, – а как мне теперь выйти отсюда?

– Отсюда? – Удивился он. Видимо, ему странной показалась сама мысль о возможности покинуть этот мир больших котлов и пряных запахов. – Выйти? – Он задумался. – А-а, кажется, знаю.

Он заговорщицки подмигнул ей и, приложив палец к губам, поманил ее к себе поближе. Она наклонилась и он прошептал.

– Пошли за мной. Только чтобы никто не видел.

Они проскользнули в облаках пара и оказались в царстве мрачных коридоров, по потолку и стенам которых шли черные, шершавые трубы, с которых капало и текло.

Они долго петляли – то ли, чтобы сбить со следа возможных преследователей, то ли ее провожатый сам плохо знал дорогу. Наконец, они остановились перед маленькой железной дверцей, закрытой на толстую щеколду.

– Вот, – сказал поваренок, – только чур, я ничего не знаю...

– Ладно, – согласилась Принципия, и шагнула во тьму...

5

Услышав за спиной грохот, Ратомир еще поддал ходу, и через миг темное чрево подворотни осталось позади. Он оказался на улице. Здесь было светло, благодаря горевшему невдалеке фонарю, безлюдно, а потому – безопасно. Можно было перевести дух и вытереть внезапно вспотевший лоб, что Ратомир и сделал. Сердце продолжало колотиться, но уже как-то иначе, чем в начале. Тогда это была тяжелая, напряженная дробь. Такую он слышал однажды в цирке перед смертельно опасным номером высоко, под самым куполом. Теперь же это был веселый, даже разухабистый, плясовой ритм. Он сделал это, он сумел, и теперь все будет хорошо!

Ну, что? Сейчас оттуда, из этой темноты появится Геркуланий и... что дальше? Искать лошадей? Что-то их там, во дворе Ратомир не увидел. Лучше всего просто пойти, найти какого-нибудь извозчика – должны же они где-то быть! – ну, и поехать, наконец, во дворец. Там их, надо полагать, давно уже хватились.

Ну, и где же он?

Ратомир вернулся к той черте, где свет фонаря резко обрывался, к входу в то место, откуда только что вылетел, как пробка из бутылки с шипучим вином. После недолгого пребывания на свету темнота показалась ему совсем уж густой и непроглядной. Но в конце этой тьмы бледно серело четко очерченное пятно – там был выход во двор, и на фоне этого пятна хорошо была видна одинокая фигура, вот только кого? Одного из этих? – и тогда, значит, Геркуланий погиб, а ему, Ратомиру, надо спешно уносить отсюда ноги. Или это Геркуланий? Но что он там делает? Почему не спешит сюда, к выходу, к свету, спасению, к нему – Ратомиру, – наконец?

Фигура шевельнулась. Ратомир напрягся: если этот – кто бы он ни был, – повернет к нему, сюда, он попадет в эту тьму, и будет скрыт этой тьмой пока не выйдет на свет, прямо сюда – туда, где он, Ратомир, сейчас стоит. И если это один из тех, то бежать от него будет поздно. Уйти? Отбежать подальше? А если это все же Геркуланий? Стыдно же будет. Ведь Геркуланий, сразу поймет, что он, Ратомир, струсил. А, кстати, это не так. Страх, как ни странно, Ратомир сейчас не ощущал. Как отпустило его еще там, во дворе, так и продолжал он себя чувствовать словно бы налегке, словно бы сбросил с себя что-то тяжелое, мешающее ходить, дышать, жить.

Легкость в теле рождала легкость на душе, легкость в мыслях. Если этот, который там стоит, двинется сюда, в эту сторону, он, Ратомир, встретит его тут! Ведь он же, тот, кажется, один? А уж с одним-то... Он спрячется за угол, и как только тот выйдет, надо его чем-то огреть как следует по голове. Чем, только?..

Ратомир огляделся. В отличие от подворотни, где он побывал только что, тут, на тротуаре не валялось ни досок, ни палок, ни бутылок. Камней было много, благо мостовая была мощена булыжником, но их попробуй выковырай оттуда... И почему он не носит с собой кинжала? Вот Геркуланий же носит. И ничего. Говорит, у них так принято. А у нас почему?..

Ратомир снова заглянул в подворотню, боясь прозевать момент, когда маячившая там, на той стороне фигура двинется – туда, во двор, или сюда...

И он увидел, как этот человек – кто бы он ни был, свой ли, чужой, – тронулся с места и пошел. И шел он туда, во двор.

Геркуланий смотрел на последнего, оставшегося в живых и, не то, чтобы размышлял – о чем тут размышлять-то? – а, скорее, оценивал того как противника. А тот так и стоял на месте, словно ожидая... Чего? Или – кого? Своих, или его, Геркулания? Догадался он уже о том, что произошло тут только что?

А тот шевельнулся, переступил с ноги на ногу, подвигал плечами, как бы разминаясь перед дракой, но продолжал стоять, не сходя с места. Он ждал его, Геркулания. Он приглашал его выйти на свет, приглашал подойти, чтобы в недолгом танце решить, кому из них жить дальше. Геркуланий понимал его. На его месте он сам поступил бы точно так же.

Ну, что же, потанцуем!..

И Геркуланий шагнул вперед.

Тот человек пошел прочь от Ратомира. Он вышел из подворотни, оставив Ратомира в недоумении. Если это один из тех, почему он отказался от погони за ним, за Ратомиром? Решил, что тот давно уже убежал? И что тогда с Геркуланием? Может быть, он только ранен и ему можно помочь? Тогда надо скорее, но не привлекая к себе внимания, бежать туда, через всю эту тьму. А если это Геркуланий? Если он расправился со всеми этими, то что ему там, во дворе? Лошади? Но их там нет. Непонятно...

И Ратомир, стараясь ступать бесшумно, вошел в темноту.

Два человека стояли посреди освещенного двора. Они стояли на расстоянии шагов трех друг от друга. Одного из них Ратомир узнал сразу, хоть тот и повернут был к нему спиной. Это был Геркуланий. Узнав его, Ратомир чуть было не бросился к нему через все это освещенное пространство, но тут застывшие фигуры сдвинулись с мест, и их движение заставило Ратомира остановиться ровно там, где он стоял в этот миг – на границе света и тени.

Он стоял, заморожено глядя на то, что происходило сейчас перед его глазами. Такого он не видел еще никогда. И ничего ему это не напоминало. Можно было, конечно, сказать, что это похоже на танец, если бы это походило на танец. Но таких танцев не бывает, ведь правда? Во всяком случае, Ратомир даже представить себе не мог, что можно вот так танцевать. И в то же время...

Противник оказался серьезным. Не сказать, чтобы это стало неожиданностью для Геркулания – чего-то такого он и ожидал. Но тут было чуть больше ожидаемого. На мгновение у Геркулания даже возникло ощущение, что он видит напротив самого себя, отраженного в зеркале, настолько то, что делал этот тип, было похоже на то, что делал, или даже только собирался сделать, сам Геркуланий. По всему выходило, что они были равны друг другу по силе и умению. А значит, исход боя зависел от чего-то такого, что предсказать невозможно. От того, у кого крепче нервы, например, или вообще от какой-нибудь случайности, вроде попавшей под ногу банановой кожуры. Оставалось одно – ни на миг не выпуская из виду движений противника, одновременно и успевать реагировать на его даже еще не осуществленные намерения и, в то же время, постоянно пробовать самому, провоцировать его и стараться поймать

на обманном движении. Пока что это получалось плохо. Да что там, совсем не получалось! У того, впрочем, тоже.

Это было жуткое и, в то же время, завораживающее зрелище. В движениях этих двоих – Геркулания и того, что был напротив, – чувствовался ритм. Возможно из-за этого, а еще из-за того, какими плавными и четкими были их движения, это и напоминало, все-таки, танец.

Их широко расставленные, полусогнутые ноги, почти не отрываясь от земли, двигали их, перемещали все время куда-то вбок, и в результате их ссутулившиеся, напряженные фигуры двигались по кругу, все время вокруг одной и той же точки. А вот руки – руки, казалось, жили совершенно самостоятельной жизнью. Их движения были резки, неожиданны, иногда почти неуловимы взглядом. Кинжалы перелетали из одной руки в другую. Их лезвия вспыхивали и тут же гасли. И все это эти странные танцоры проделывали молча, только тихое шарканье их подошв доносилось до Ратомира.

И вдруг гипноз пропал. Отчего? Почему? Что вывело Ратомира из этого странного оцепенения? Не важно. Это произошло само собой, и теперь Ратомир увидел происходящее во всей его жуткой и неприглядной реальности: два человека напряженно ходили по кругу, пытаясь улучшить момент и зарезать того, кто был напротив. Вот и все. И никаких танцев – просто зарезать. И зарезанным вполне может оказаться Геркуланий. И что-то надо сделать, чтобы этого не случилось. Что? Выбежать с криком из своего убежища? Ратомир представил себе, как это происходит, как Геркуланий поворачивается на его крик, и как в этот самый момент нож пропарывает его бок... Могло, конечно, быть и наоборот, но... Нет-нет! Это не годится.

Но что-то же надо делать?!

Что же делать?! Схватка неожиданно затягивалась. Вот же, нарвался! Геркуланий перепробовал уже, кажется все, весь свой совсем не маленький набор приемов, но каждый раз противник встречал его во всеоружии и тут же парировал своим ответным ходом.

Ничья, что ли? Но нет, тут не получится пожать друг другу руки и разойтись. В этой игре ничьих не предусмотрено. Ах ты, черт!.. левую руку обожгло. Как же это? Задумался... А кажется, сильно. Значит, в левую руку уже нож не перебросишь, значит, он стал слабее, и слабость эта будет усиливаться, по мере того, как будет вытекать кровь из раненой руки.

Надо заканчивать, понял Геркуланий. Во что бы то ни стало и побыстрее. Хватит осторожничать. Теперь уже все равно...

Как ни напряженно вглядывался Ратомир в движения противников, но что-то, видимо, он все-таки прозевал. Какое-то мгновение, после которого вдруг все пошло иначе, словно дерущиеся вырвались из того заколдованного круга, куда попали как щепки в воронку водоворота. Теперь, вырвавшись из этого круга, они словно сорвались с привязи.

То, что происходило дальше, было напрочь лишено того жуткого изящества и завораживающего ритма, зачаровавшего было Ратомира и превратившего его на минуту в отрешенного зрителя. Вмиг исчезло разделявшее противников расстояние. Внезапно они оказались совсем рядом друг с другом. Кто из них сделал шаг навстречу другому – этого Ратомир не заметил, все-таки он был слишком неопытен в этих делах, да, впрочем, и какая разница? Теперь они были так близко друг от друга, что понять, кто из них что делает, стало невозможно. Все это было так мгновенно и продолжалось так мало времени, что воздух, который Ратомир вдохнул в себя в начале этого мига, так и остался в его легких, когда Геркуланий вскрикнул и как-то странно дернулся, явно вне, пусть и хаотичного, но все же по-своему логичного, рисунка схватки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.